ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 41 1 ИЮНЯ 1903 ГОДА № 41

МОБИЛИЗАЦИЯ РЕАКЦИОННЫХ СИЛ И НАШИ ЗАДАЧИ.

Особенный характер кишиневскому погрому 6-7 апреля придает, во-первых, выдающееся в нем участие известного сорта «интеллигенции»; во-вторых, «выдающаяся» роль, сыгранная в нем представителями русского правительства.

Не то, чтобы в богатой истории еврейских погромов было совершенно внове участие представителей «общества» и государства. Нет! Слишком известно, что в эпидемии погромов, вспыхнувшей в 1881 году, немаловажную роль сыграла гнусная пропаганда таких публицистов, как Суворин, Озмидов[1] и тому подобные Крушеваны; что значительная часть буржуазного «общества» рукоплескала погромам и кричала «ату его» по адресу разоряемого и избиваемого еврейского пролетария; что министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев[2] несомненно вводил в программу своей «народной политики» поощрение погромов и что его чиновники немало способствовали раздуванию их. И с этой стороны, следовательно, кишиневский погром мало отличается от имевших место прежде. Но в то время как в начале 80-х годов реакционеры из «общества» и правительство пользовались для своих целей начавшимся стихийным движением крестьянских и городских масс, в настоящее время они искусственно и, несомненно, вполне сознательно, с хладнокровным расчетом, разжигают племенную и религиозную борьбу для того, чтобы отвлечь народные массы от социального и политического протеста, на путь которого они уже начали вступать.

В начале 80-х годов никакого политического движения народных масс в России не было, налицо было только смутное и совершенно не оформленное брожение темных еще масс крестьянской и городской бедноты, питавшееся материальной нуждой и обострявшееся политическим возбуждением, которое было создано гулом революционной борьбы. Взяв под свою плохо скрытую защиту погромы, правительство графа Игнатьева стремилось окончательно отрезать революционеров от народной массы, с одной стороны, а от либеральной части общества — с другой.

Плеве, получивший свое политическое воспитание именно в школе Игнатьева, и в этом случае показал себя жалким эпигоном, рабски копирующим те средства, которые 20 лет тому назад имели некоторый успех. Те орудия, за которые 20 — 25 лет назад правительство хваталось под влиянием инстинкта, Плеве и К⁰ пытаются теперь применять «с заранее обдуманным намерением» — и терпят позорное поражение. 25 лет назад правительство, действовавшее под влиянием слепой ярости, жестокими мерами толкнуло революционную партию на путь террора и, оторвав ее от народной массы, в несколько лет ее задушило. В настоящее время правительство провоцирует террор жестокостями, заимствованными из арсенала Мезенцевых[3], Лорис-Меликовых[4] и Тотлебенов[5], но оторвать революционеров от народной массы ему не удается и не удастся. 20 лет назад Лорис-Меликов пытался заигрывать с либералами, не задумываясь серьезно о том, что из этой политической комедии выйдет и как потом разделаться с принятыми на себя обязательствами. Нынешние Лорис-Меликовы заранее обдумывают свои роли в затеваемой ими комедии, заранее дают обещания, чтобы никогда их не выполнять; но когда дело доходит до выполнения «хитроумного» плана, они пугаются ими же самими вызванных невинных либеральных манифестаций, забывают и перепутывают свои роли, не слушаются суфлера из «Нового Времени», выпускают в средине действия на сцену жандарма, которому полагалось выйти в последнем акте, и опускают занавес при гомерическом смехе публики. Жалкие актеры! Они слишком хладнокровно-подлы, чтобы «от нутра» разыграть пьесу, так бойко сыгранную их более невежественными, менее опытными, но зато и более наивно входившими в роль предшественниками. Но они — к счастью для России — достаточно невежественны, политически невоспитаны и реакционно-тупы, чтобы провалиться при первой же попытке поставить на сцену более сложное «комедийное действие», требующееся при нынешних трудных обстоятельствах.

Не иначе подражают своим предшественникам наши нынешние правители и в деле раздувания антиеврейского движения. Первое же выведение на сцену «народа» в роли душителя евреев ознаменовалось такими гнусными явлениями, провокаторская роль полиции, военных, губернских и центральных властей выяснилась так недвусмысленно, что эффект, произведенный кишиневскими неистовствами, уж наверное не оправдал надежд петербургской шайки. И если кишиневский погром не останется единичным явлением, если преступления, совершенные 6 — 7 апреля, повторятся еще где-нибудь, то во всяком случае той цели, которую ставили себе Плеве с братией, они не достигнут.

Эта цель очевидна: отвлечь внимание народных масс от борьбы с самодержавием, озлобить политически неразвитую часть населения против революционеров, внушив ей ужас перед всяким «уличным» движением, создать для социал-демократии моральные и технические препятствия в развитии демонстрационного движения и, наконец, мобилизовать все реакционные силы, которые можно было бы двинуть в бой против ре-

волюционного пролетариата и идущей рядом с ним интеллигенции.

В свете этого несомненно совершающегося очень быстро процесса мобилизации реакционных сил новые погромы приобретают особенно важное значение.

Самодержавие классическое, самодержавие, уверенное в своем материальном могуществе, требует от своих подданных лишь «смирного» поведения. Самодержавие разлагающееся вынуждено отказаться от собственного принципа, согласно которому всякое политическое «оказательство», хотя бы в благонамеренном смысле, считается наказуемым и недопустимым «нарушением государственного порядка». Самодержавие разлагающееся вынуждено пытаться силе сознательно-революционных элементов народа противопоставить общественную же силу, силу организованных его агентами темных, продажных и по природе своей реакционных элементов. И если неаполитанский «король-бомба» [6] для борьбы с итальянскими революционерами вступал в сношения с простыми разбойниками, фигурировавшими в роли «народа», то агенты царского самодержавия вместе с добровольцами реакции из клики Крушевана не стесняются организовывать боевые дружины наемных убийц и простых грабителей, которых не трудно найти «на дне жизни» — в трущобах большого города.

Организация реакционных лавочников, приказчиков и темных босяков под флагом, на котором написано: «бей жидов!», является естественным дополнением к той организации темных рабочих, которою, с легкой руки Зубатова, занимаются жандармы, попы и «националисты» из общества. Боевые дружины для избиения евреев превращаются за пределами черты оседлости в отряды мясников и извозчиков для избиения «студентов» и рабочих-демонстрантов, как это было в Саратове 5 мая 1902 г. и в Томске 19 февраля 1903 г. Реакционная проповедь газет, издаваемых Крушеваном, дополняет ту, которая ведется генералами Богдановичами, Иоаннами Кронштадтскими, отцами Петровыми, сыщиками Слеповыми и другими ораторами зубатовских собраний. И единение «общества» с «народом», так блестяще проявившееся на улицах Кишинева, в Петербурге происходит в «Русском Собрании» [7] и в аристократических салонах, куда приглашаются «самые настоящие» представители рабочих из числа сыщиков охранного отделения.

Реакционные силы мобилизуются по всей линии. Всюду провокатор и жандарм является их организатором, продажный журналист и проституирующийся поп — их «идейными» вдохновителями, а невежество, умственная темнота и зоологические инстинкты — спайкой, посредством которой разношерстные социальные элементы образуют «народную толпу».

Усложняя революционную борьбу и вызывая новые жертвы, эта реакционная мобилизация в конечном счете только приближает развязку. Продукт и симптом разложения самодержавия, она не может задержать этого процесса, обусловленного действием об'ективных законов исторического развития. Если она и может на одном полюсе сгустить мрак политического невежества, обострить реакционные антикультурные чувства и настроения, — то на другом полюсе она содействует накоплению в удвоенной мере революционных чувств и «мятежных» настроений, расчищает политическое сознание и усиливает революционную активность. Собрав под свои знамена десятки и сотни прежде индиферентных, а отныне активно-реакционных элементов, эта демагогическая политика в то же время толкает в ряды борцов за освобождение тысячи людей, стоявших дотоле вне политической борьбы. Реакционная вакханалия, разыгрываемая царскими министрами, к несчастью для них, имеет перед собою сплоченные кадры рабочих — социал-демократов, и это обстоятельство заранее обрекает на позорный неуспех их преступный поход. Если в еврейском мещанском населении под влиянием кишиневского погрома кое-где раздались шумные голоса о том, что в погромах виноваты социалисты и особенно еврейские пролетарии, если навстречу этим воплям пошла гнусная реакционная пропаганда сионистов [8], фигурирующих в роли патентованных представителей «еврейской нации», которые не постыдились воспользоваться психологическим влиянием погрома на темную массу, чтобы внушать ей политическую пассивность — т. е. союз с самодержавием, союз с кишиневскими убийцами, — то, с другой стороны, та часть еврейской буржуазии, которая сохранила еще какие-либо гражданские чувства, стала вооружаться и готовиться к отпору приводимым полицией бандам. В добрый час! Если это вооружение не понадобится вам для обороны против громил, то оно пригодится для поддержки русских, польских и еврейских пролетариев, когда они дадут решительное сражение царизму. Ибо только падение царизма даст евреям гражданское равноправие.

Лучшая часть еврейской интеллигенции и буржуазии оказалась солидарной не с реакционерами-сионистами, а с русскими социал-демократами, которые при первых вестях о событиях в Кишиневе стали готовиться к сопротивлению антисемитским бандам. С удовольствием констатируем мы, что наши южные комитеты без колебаний приняли ту тактику, которую мы, с своей стороны, рекомендуем в № 39 «Искры». Уже теперь сказались результаты этой тактики. Престиж социал-демократии и русского пролетариата сильно поднят в глазах обывателей, открылась новая широкая сфера для политической агитации, и правительство вынуждено несколько сократить пыл своих агентов. Опасность погромов, конечно, еще не прошла, но уже теперь можно сказать с уверенностью, что в выигрыше оказалась социал-демократия и что новая попытка погрома покроет правительство двойным позором и поражением. Русские рабочие бок-о-бок с еврейскими будут отстаивать жертвы антисемитской травли. Там, где правительство сеяло ветер, оно пожнет бурю.

Мобилизация реакционных сил содействует мобилизации сил революции. Но для успешной мобилизации по первому призыву жизни и, в частности, для успешной борьбы с эпидемией погромов требуется единство действий всех социал-демократических рабочих.

Единство же действий всего лучше обеспечивается единством организации при единстве программы. Мобилизуясь по всей линии, реакционные силы в каждом отдельном случае своего проявления выступают организованно, действуют по общему плану и всей своей массой обрушиваются на ту или иную часть населения, враждебного самодержавному «порядку». Для успешного

отпора погромам отнюдь не достаточно сил еврейского пролетариата, как склонны, повидимому, думать некоторые недальновидные люди. Весь российский пролетариат должен в той или иной мере принять участие в той гражданской войне, которая организуется правительством. И только при участии в ней всего российского пролетариата эта война перерастет те рамки, в которых стремится удержать правительство; только в этом случае она станет эпизодом в борьбе между старой и новой Россией.

Можно судить поэтому, насколько уместна попытка органа Загр. Комитета Бунда использовать погромы для целей пропаганды организационного сепаратизма и — в этих видах — для подрыва доверия еврейских рабочих к русской социал-демократии. В № 126 «Последних Известий» мы читаем:

«Ведь, стыдно сказать, до сих пор одна лишь «Свобода» [9] выпустила брошюру о евреях, а «Искра», не жалевшая бумаги для очернения «Бунда», до сих пор не нашла возможным выпустить хоть что-нибудь на эту тему. Русские комитеты больше интересуются просвещением еврейской массы и освобождением ее от предрассудков, выпуская, например, прокламации о сионизме, чем искоренением дикого антисемитизма. Быть может, такое внимательное отношение к еврейской массе и делает им честь, но нет сомнения, что с революционной точки зрения это большой минус. Нужно надеяться, что эта ошибка наконец будет, хотя и слишком дорогой ценой, сознана». Под «слишком дорогой ценой», как следует из текста, надо понимать цену кишиневского погрома и событий, им вызванных.

Мы не станем здесь спорить о том, повинна ли русская социал-демократия вообще и «Искра» в частности в забвении одной из своих задач — борьбы с антисемитизмом. Это завело бы нас слишком далеко, хотя и показало бы, что «Бунд» целиком неправ в своем легкомысленно брошенном обвинении. Скажем только, что главным средством борьбы с антисемитизмом, как вообще с реакционными силами, является революционное просвещение народной массы и организация ее передового элемента — пролетариата. Поскольку русская социал-демократия организует пролетариат и через посредство этой организованной силы воздействует на широкие круги населения, — она делает все более невозможным сколько-нибудь широкий разлив «погромного» движения. Если же социал-демократия в настоящее время еще не располагает достаточными силами, чтобы оказывать свое революционное воздействие равномерно на все слои населения, если поэтому антисемитская демагогия имеет еще кое-какую возможность натравить на евреев те или другие элементы пролетарской массы, то отсюда может вытекать один только вывод: необходимо энергично работать над усилением нашей партии, над такой концентрацией всех ее сил, которая позволила бы вытеснить реакцию даже из самых отсталых сфер населения наших городов и деревень. А чтобы достигнуть этой цели, наша партия должна иметь в своем распоряжении все социалистические силы, к какому бы племени они ни принадлежали, каким бы языком они ни говорили. А это значит, что всякий социал-демократ в России должен не отграничивать поле своей революционной работы одним районом или одной частью населения одного района, но побольше сил отдавать всероссийской социал-демократической организации. В силу этих соображений мы, русские социал-демократы, понимающие интересы нашего дела, боремся против тех тенденций к эгоистическому обособлению своего собственного «гнезда», которые так рельефно проявляются в «Бунде». В силу этих соображений мы и не жалеем бумаги для «очернения» Бунда, как последнему угодно называть нашу принципиальную борьбу с его национализмом, стоящим в коренном противоречии с принципами социализма. Что же касается борьбы наших комитетов с еврейским сионизмом, то, подобно самому Бунду, они не могут от нее отказаться, раз что сионизм отвлекает от рабочего движения известные довольно культурные слои еврейского пролетариата. В этом отношении сионизм представляется более, так сказать, близким противником социал-демократии, чем антисемитизм, который, повторяем, ведет за собой только совершенно темные в культурном и политическом отношении элементы русского населения. Иначе говоря: сионистское движение непосредственно гораздо более грозит развитию классовой организации пролетариата, чем антисемитизм, и, так как для нас, социал-демократов, не существует «избранных» и «неизбранных» народов, то мы никак не можем отказаться от задачи борьбы с «предрассудками еврейской массы». Бунд, повидимому, хотел бы, чтобы эта задача была признана его специальной монополией. Русские социал-демократы уже потому не могут на это согласиться, что эту задачу «Бунд» выполняет далеко неудовлетворительно: на место разрушаемых форм еврейского национализма он развивает другие — на место «предрассудков» сионистского национализма он сеет предрассудки национализма революционного *.

В сердитом замечании корреспондента «Последних Известий» имеется одна верная мысль — это та, что борьба с антисемитизмом может быть по плечу только русской (или, вернее, всероссийской) социал-демократии. В этом отношении он прав и совершенно неправы авторы брошюры «П. П. С. об еврейском рабочем движении», когда (стр. 19) говорят: «хотя борьба с антисемитизмом является прежде всего задачей христианских (?) социалистических партий, но даже в этом отношении (курсив подлинника) еврейские рабочие не должны ни на кого полагаться. Еврейский пролетариат должен взять борьбу против антисемитизма в свои руки».

---

* Пример: на стр. 13 брошюры «Польская Социалистическая Партия об еврейском рабочем движении» [10] можно прочесть: «Разрешить еврейский вопрос Р. Р. S. [11] хотела не с точки зрения еврейского пролетариата (курсив подлинника), а с своей польской (курсив наш) точки зрения. Она не могла и не хотела понять психологии еврейского пролетариата и пыталась внести в его движение свою польскую (курсив наш) психологию». Только с точки зрения откровенного национализма еврейский или какой-либо другой вопрос допускает различное решение в зависимости от «еврейской», «польской» и т. д. точки зрения. Хороши бы мы были, если б, например, вопрос о свержении самодержавия решали «с русской точки зрения» и противополагали это решение какой-нибудь «немецкой точке зрения»! Наши русские националисты ничего лучшего не желали бы, как признания, что требование равноправия евреев, выдвигаемое социал-демократией, есть решение вопроса с «точки зрения еврейского пролетариата». Для социал-демократии не существует русских, польских, еврейских точек зрения, она знает только точку зрения мирового пролетарского движения.

Позор, что в руководящем органе социал-демократической организации («Arbeiter Stimme» [12]) могут печататься строки, проникнутые такой националистической враждебностью к «чужим» пролетариям! Неважно, какие полемические выходки со стороны П. П. С. побудили «Arbeiter Stimme» написать эти строки; важно, что мысль, здесь выраженная, высказана в такой общей форме, что может служить символом веры для любого «сиониста-социалиста».

Как легко еврейскому пролетариату взять борьбу с антисемитизмом «в свои руки» — это видно, между прочим, и из фактов последнего времени. Если полицейское подстрекательство к погромам могло быть чем-нибудь остановлено, то только реальной угрозой со стороны русских рабочих оказать сопротивление громилам. Если реакционно-паническое настроение среди евреев могло быть чем-нибудь успокоено, то только активным вмешательством русских пролетариев на их защиту. В номере 128 «Посл. Изв.» сообщается, что в Бердичеве майская агитация «Бунда» вызвала — в виду кишиневского погрома — сильную тревогу в буржуазных кругах и сильное озлобление их против социал-демократов, и что появление прокламации Орг. Комитета несколько успокоило евреев, так как они убедились, что революционное движение не есть «чисто еврейское» движение. Мы полагаем, что бердичевские евреи совершенно правы. Если б революционный отпор антисемитским громилам стал делом одних евреев-социалистов, то, как бы ни был он успешен, он только обострил бы взаимные отношения между пребывающим в темноте русским и еврейским населением: «беспорядки» сохранили бы для широкой публики тот характер племенной вражды, какой они носят сейчас. Напротив, если бы против громил выступили об'единенные русские и еврейские пролетарии, «беспорядки» сразу перешли бы на другую почву, на почву политическую. А для того, чтобы это стало возможно во всех случаях, когда это необходимо, социал-демократы-евреи должны всемерно (гораздо более, чем они до сих пор это делали) работать для того «общерусского дела», упоминание о котором вызывает истерику у некоторых «патриотов» своей «фирмы».

Работать для общерусского дела — не значит отказаться от работы по развитию классового самосознания еврейских пролетариев «черты оседлости». Для «общерусского дела» эта последняя работа далеко не лишена значения, и никогда русские социал-демократы не предлагали бундовцам бросить ее. Работать для «общерусского дела» значит только везде и всегда содействовать проведению в жизнь той «общерусской точки зрения», которая есть точка зрения мирового пролетарского движения, не знающего идейных перегородок между эллинами и иудеями. Работать для «общерусского дела» — это значит покинуть нелепую и реакционную точку зрения «самостоятельной национальной рабочей партии» *, раз'единяющей пролетария-еврея от поляка и русского, создающей искусственный антагонизм между такими работниками пролетарской революции, которые связаны

* В листке «Автономия или федерация» мы читаем: «...мы никогда не говорили ни о „независимой политической партии еврейского пролетариата", ни о „федеративной связи" Бунда с Российской Партией». Между тем на стр. 14 вышецитированной брошюры сказано: «Партия, желающая об'единить всех рабочих данной страны, возможна только как федеративный союз национальных рабочих партий... На эту точку зрения стал наш IV С'езд». Читатель видит, что у некоторых людей слово «никогда» не имеет такого категорического смысла, какой ему приписывается обычным словоупотреблением.

«ОРТОДОКСАЛЬНОЕ» БУКВОЕДСТВО.

Н. Рязанов посвятил целых 302 страницы критике нашего проекта программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии *. Это, конечно, очень хорошо, и я первый похвалил бы его за трудолюбие и поблагодарил бы за внимание к нам, если бы его критика проливала хоть немного нового света на наши программные вопросы. К сожалению, именно этого-то она и не делает. Рязанов [13] ничего не выясняет и очень многое запутывает. Его критика бесплодна, как девственница, посвятившая себя богу. К тому же она невыносимо мелочна и манерна. Она чрезвычайно сильно напоминает мольеровских «précieuses ridicules» [14]. Можете судить поэтому, как отрадно читать и как приятно разбирать новое произведение Рязанова! Это поистине мука, нечто вроде докучливой зубной боли.

Да не подумает однако читатель, что я плохо отзываюсь о книге Рязанова просто в отместку за его критику: «вот, мол, тебе; ты нас критикуешь, а мы над тобою смеемся». Совсем нет! Если бы мы даже и отличались мстительностью и если бы мы способны были мстить за критическое отношение к нам со стороны товарищей, то и тогда сочинение Рязанова не внушило бы нам мысли об отместке; представляемый им род критики нам совсем не опасен, потому что всякий мало-мальски чуткий читатель, наверно, тотчас же заметит в ней полное отсутствие серьезного и вдумчивого отношения к предмету. Притом, что касается собственно меня, то если бы я и был лицеприятен в своих литературных отзывах, то я скорее был бы склонен хвалить, чем хулить книгу Рязанова. Он часто с большим одобрением ссылается на мои сочинения, а в одном месте даже причисляет меня к лучшим теоретикам современного социализма. Это, согласитесь, очень большой комплимент. До такой степени большой, что я даже испугался и с беспокойством спросил себя: откуда мне сие? Уж не написал ли я чего-нибудь педантического? Уж не похож ли и я на мольеровских précieuses ridicules? Но меня до некоторой степени успокоило то соображение, что Рязанов одобряет меня далеко не во всех отношениях. Он хвалит собственно только прежние мои произведения, а то, что написано мною в «Заре» и «Искре», не удостаивается его одобрения. По правде сказать, я не равнодушен и к прежним своим работам, и мне было бы очень неприятно убедиться в том, что, например, моя книга «Наши разногласия» или мои статьи, напечатанные в «Социал-Демо-

* См. его книгу: «Материалы для обработки партийной программы. Выпуск II. Проект программы „Искры" и задачи русских социал-демократов. Издание группы „Борьба". Женева, 1903».

единством конечной и ближайших классовых задач. Работать для общерусского дела в теснейшем слиянии с русским пролетариатом — значит для еврейского пролетариата самым действительным образом ковать оружие, которым будет окончательно разбито ярмо, тяготеющее над русскими евреями.

[Л. Мартов]

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ «СТРАТЕГИЯ».

6 мая, в городском парке в Уфе, убит несколькими выстрелами из револьвера уфимский губернатор Богданович. Мстительница-пуля свела счеты с человеком, за два месяца перед тем приказавшим дать залп в мирную толпу бастовавших златоустовских рабочих.

Без сомнения, у многих революционно настроенных людей забилось учащеннее сердце при известии о том, что у русской революции одним врагом стало меньше. Смутное чувство невольно говорило о каком-то удовлетворении, как когда-то то же чувство заставляло приветствовать карающую немезиду в сорванном бурей флагштоке, убившем — во время спуска броненосца — начальника петербургского охранного отделения, полковника Пирамидова. Но пуля, покончившая с губернатором Богдановичем, не стихийный флагшток, а партийный тактический прием, и, как таковой, подлежит нашему анализу, свободному от безотчетных влечений возмущенного сердца, анализу — с точки зрения целесообразности.

Выстрел в Богдановича должен был явиться эпилогом той драмы, которая разыгралась в недрах златоустовского рабочего движения. Вот почему перед нами прежде всего встает вопрос: что же дал этот выстрел рабочему движению в Златоусте?

Почти нетронутая пропагандой, — немногие единицы не в счет, — совершенно неорганизованная масса рабочих на казенном заводе в Златоусте всколыхнулась в начале марта этого года при известии о том, что вводятся новые расчетные книжки, сводящие на-нет те немногие права и привилегии, которыми она пользовалась согласно манифесту 1861 г.

«Не может этого быть», — сказали себе рабочие и пошли странствовать по начальству. Они обращались по всем инстанциям: к исправнику, полицмейстеру, к председателю заводского приказа, к горному начальнику. Они не перестали ходить и надеяться даже и тогда, когда выбранные ими уполномоченные были взяты и посажены в тюрьму. «Было только видно, — пишет лицо, командированное Орг. Ком., — что толпа ошеломлена поведением властей и сосредоточенно хочет уяснить себе их поведение». Сняв шапку, говорила толпа с губернатором: «Ваше превосходительство, явите божескую милость, отмените новые правила». И только поразивший своею неожиданностью залп произвел, наконец, переворот в головах златоустовцев.

«Рабочее население затихло снаружи, — сообщает тот же корреспондент, — но смотрит волком, и внутри его горит бушующее пламя. „Что они с нами сделали? за что? — говорят более экспансивные. — Разве мы хотели буйствовать? Да если бы мы хотели это сделать... нас не выбили бы из этой ямы в течение года“. „Бунтовать! — говорят другие: — да нам достаточно было взять несколько гранат, и от солдат осталось бы одно пустое место. Сами мы ведь делали гранаты-то... Нам стоило только крикнуть, и в один миг мы могли бы разобрать весь арсенал“»... (см. «Искра» № 39).

крате», грешат в сторону того смешного литературного педантизма, который так пышно цветет на страницах книги Рязанова. Но и тут мне во-время пришла в голову одна очень успокоительная мысль. Именно, я сказал себе, что если Рязанов нашел нужным похвалить мои прежние работы и с недоумением пожать плечами по поводу позднейших, то это обстоятельство не имело никакого отношения к содержанию и достоинству тех и других. Нет,

> . . . Умысел другой тут был:
> Хозяин музыку любил...

Не потому хвалит Рязанов мои прежние произведения, что в самом деле находит их хорошими, а просто потому, что ему надо похвалить их по некоторым причинам вполне постороннего и притом совершенно «музыкального» свойства. Стало быть, мне нечего и огорчаться его похвалою.

Но какую же «музыку» любит Рязанов? В данном случае ему нравится вот какая.

Ему, изволите ли видеть, хочется доказать, что прародительница русской социал-демократии, группа «Освобождение Труда», стояла на правильной точке зрения до тех пор, пока не была введена во искушение змием-искусителем Лениным. Он сожалеет об ее грехопадении, но вместе с тем дает понять, что признает существование смягчающих ее вину обстоятельств и, — буде она, раскаявшись, восстанет против змия,—готов даже стереть главу оного. Он рекомендует нашей партии отклонить проект программы, выработанный редакцией «Зари» и «Искры», и принять старый проект. «Освобождение Труда» с соответствующими изменениями. Он, как видно, считает свое предложение крайне лестным для этой группы и надеется, что она станет его поддерживать. Такая «музыка» была бы очень приятна Рязанову. Но мы не имеем ни малейшего желания услаждать его слух.

Во-первых, Рязанов жестоко ошибся, вообразив, что критикуемый им проект программы был навязан нам, членам бывшей группы «Освобождение Труда», змием-искусителем. Змий-искуситель вообще никогда ничего не навязывал нам, а всегда действовал в идейном согласии с нами, как товарищ-единомышленник, нисколько не хуже нас понимавший великое значение правильной теории в нашем деле и нимало не склонный приносить ее в жертву практике. И если проект программы, предлагаемый нами российской социал-демократии, имеет свои недостатки, то за эти недостатки мы, — т. е. П. Аксельрод, В. Засулич и я,—ответственны ничуть не меньше, чем Ленин или какой-нибудь другой член нашей редакционной коллегии. Рязанов и иные проницательные «читатели», любящие посудачить насчет «Искры» и

И если никто не крикнул и если во взволнованной толпе не нашлось человека, который взял бы на себя почин в подобном действии, то об'ясняется это именно тем, что толпа собралась не демонстрировать, а просить и почтительно об'ясняться с начальством. До самого последнего момента рабочая масса доподлинно не знала еще, кто ее недруг, и только тогда, когда, наконец, она это узнала, когда солдатские пули заставили пройти ее эту кровавую выучку, ее мысль начала упорно работать над вопросом о том, что же делать, как не дать врагу вновь застать себя врасплох, как устроить ему достойную встречу, оказать надлежащий отпор.

Прежде темная, а теперь просветленная масса «смотрит волком», и внутри ее «бушует пламя» — нет более подходящего момента, нет более благодарной почвы для выступления партийного сеятеля. Подхватить и развить ее одиноко и вразброд идущие мысли о расправе с врагом, сосредоточить внимание над выработкой форм коллективной борьбы, подготовить ее к ответственной роли коллективного деятеля и дать необходимую организацию — вот те ясные и бесспорные требования, которые настоящее положение дел пред'являет всякой партии, желающей руководить рабочим движением. Рабочая масса в Златоусте проснулась и ищет путей, а в ответ на свои запросы она слышит выстрел, раздавшийся в Уфе «по постановлению боевой организации»; она слышит, что сама она еще не доросла до коллективного отпора, что толковать ей об этом по нынешним временам значит «заменять» «революционное дело» «революционной фразой» и что теперь этот психологически необходимый для нее отпор может дать только выстрел «боевой организации», спасающий ее таким образом от «подавляющего действия» «сознания собственного бессилия» (см. «Рев. Россия», № 24, «Террор и массовое движение»).

Масса была бессильна, — утверждают соц.-революционеры.

Масса была несознательна, — говорим мы. И только в этом заключалось ее горе. Но посмотрите: стоило пробудиться ее сознанию, чтобы эта масса сама заговорила о коллективной борьбе. Разобрали бы арсенал, начали бы метать гранаты, — говорили те самые златоустовцы, которые — не случайно — на страницах «Рев. России»[15] уже фигурировали — «убитые, безжизненные, подобные машинам, к которым приковал их рок», «подавленные отчаянием»; подавленные не потому, что «пало много жертв», а потому, что невыносимо «быть в борьбе только пассивной стороной и только получать удары, а не отдавать их». Эти мертвые тени, понятно, не могли обойтись без содействия «боевой организации». Но подлинные, живые златоустовские рабочие, как и все заводское население Урала, не нуждались в услугах «боевой организации» уже просто потому, что для устранения отдельных ненавистных им лиц заводской администрации они сыздавна практикуют свой собственный, самодельный террор. Зачем же им еще привозный? «Чуть ли не каждую неделю, — пишет один из корреспондентов с Урала (см. «Искра» № 38), — слышишь, что на том или другом заводе пущены в ход поджог, пуля, динамит или бомба. Иногда известия об этом проскальзывают даже в легальные газеты. Но, — прибавляет он же, — рабочая масса начинает сознавать, что этой борьбой отдельных лиц против отдельных проявлений гнета она не может хотя сколько-нибудь улучшить свое положение»... «Действовать не в одиночку или разрозненными кучками, а всем вместе, дружно и солидарно» — это сознание, поистине великой важности для пробуждающегося пролетариата, начало делать в последнее время завоевания среди всех уральских рабочих;

«Зари», очень хорошо сделают, раз навсегда запомнив это мое категорическое заявление. Легенда о змие-искусителе, довольно усердно культивируемая теперь некоторыми любителями поэтического вымысла, должна быть окончательно оставлена.

Во-вторых, нынешний наш проект программы есть именно не что иное, как старый проект группы «Освобождение Труда», вновь изданный с соответствующими изменениями. Рязанов не одобряет этих изменений, но мы убеждены, что без них обойтись невозможно, и если бы наша партия поручила нам написать новую программу и при этом взять за точку исхода старый проект нашей группы, то мы немедленно и нимало не колеблясь восстановили бы, параграф за параграфом, проект, известный теперь под именем проекта редакции «Искры» и «Зари». Никакого другого проекта мы не могли бы написать по той простой причине, что всякий другой проект не так точно выражал бы наши взгляды.

Рязанов находит в проекте «Искры» и «Зари» большие и неуместные уступки так называемым критикам Маркса. Теоретическая часть проекта кажется ему составленной под сильным влиянием г. Бернштейна[16]. Но она кажется ему такою единственно вследствие того, что он не понимает, в чем заключается существенное содержание так называемого теперь ортодоксального марксизма. В своем правоверии он не идет дальше слов и выражений, и когда ему попадается в разбираемом им проекте какое-нибудь непривычное для него слово или выражение, он вопит: «Караул! Измена марксизму! Чего смотрит Плеханов? Почему он не разит оппортунистического змия — Ленина?» Такая приверженность к ортодоксии по-своему даже трогательна, но в то же время она высоко комична. Она поистине ждет своего Мольера.

Вот пример. Рязанов прочитал в неприятном ему проекте следующие строки: «Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала».

Эти строки приводят Рязанова в большое негодование, потому что он открывает в них «канупер», как называл вредные идеи один цензор у Некрасова. «Почему программа говорит о расширении области господства капиталистических отношений, когда можно было просто сказать о росте или развитии капитализма?—ехидно вопрошает он. — Не потому ли, что рост капитализма

оно — мы уже видели — проникло после бойни и в среду златоустовской массы. И вот, как раз в этот критический период пролетарских исканий, когда на очереди стояла замена стародавних приемов индивидуальной расправы более или менее планомерными действиями коллективного целого, раздался выстрел в Уфе и тем самым была сделана попытка передвинуть опять внимание находящейся в брожении массы от новых, поставленных самою жизнью, задач к устарелой методе отомщения отдельным лицам. И если при вести о гибели Богдановича сгущенная атмосфера в Златоусте хотя сколько-нибудь разрядилась, то разрядилась она в успокоительное чувство удовлетворенной мести, а не в действенный призыв к таким формам борьбы, при которых и самая неудача лишь служит толчком для подготовки массы к дальнейшим действиям. Так, знаменитые ноябрьские стачки в Ростове и на станции Тихорецкой были подавлены и подавлены со многими жертвами. Но они явились исходом для грандиозного под'ема в настроении масс, нашедшего себе выражение и в демонстрации 2 марта[17], и в многочисленных агитационных собраниях, и в беспримерной литературной деятельности Комитета. Поэтому естественно, что всякий, кому истинно дороги интересы «массового движения» и кто на деле, а не только в пылу полемической схватки, действительно отстаивает выдвигаемые этим движением организационные и тактические задачи, с недоумением будет слушать разговоры, ведущиеся в связи и по поводу уфимского события, — о террористических актах, «опирающихся» якобы «на нужды этого (массового) движения» и его «дополняющих». Воистину гг. социалисты-революционеры не могли выбрать момент менее удобный для таких рассуждений! Но еще с бóльшим изумлением он услышит утверждение, что неподготовленная к открытому сопротивлению масса «имеет другой способ отпора — путем выделения специальной террористической организации»... Это говорят — всё по поводу того же события — люди, которые только что перед тем утверждали, что златоустовские рабочие оказались неспособны защитить себя сами, что они угнетены сознанием собственного бессилия и что именно потому к ним на помощь поспешила всероссийская «боевая организация». Теперь же выходит, что на один и тот же террористический акт есть уже два претендента: «боевая организация» «партии» соц.-рев. и «специальная террористическая организация», выделенная массой! И это забавное qui pro quo случилось с нашими газетными террористами, все благодаря их тяготению — на словах — к массовому движению!

После златоустовской бойни, — говорят соц.-революционеры, — чувствовалась необходимость «в интересах массового движения доказать, что революционное движение в России достаточно сильно и решительно для того, чтобы не оставить без ответа и безнаказанными таких вопиющих злодейств над рабочим народом».

Знакомые мотивы! Мы уже слышали их из уст соц.-рев. Качура. «И народ и правительство, — писал он, — должны знать, что революционеры не позволят проливать народную кровь... Я верю, что ей (боевой организации) удастся заставить правительство не бороться с нами кнутом и кулаком; я верю, что она добьется, чтобы рабочее и крестьянское движение могло свободно развиваться» (см. «Рев. Росс.» № 10).

Мы желали бы, чтобы эти слова обученного соц.-революционерами рабочего Качура сохранились в памяти читателя и чтобы он помнил их особенно тогда, когда ему придется услышать, будто некие злонамеренные люди «клевещут», утверждая, что террористические

означает рост пролетариата, т. е. экспроприацию самостоятельных производителей sans phrases, а слова „расширение области производства“ и т. д. отличаются большой „гибкостью“ и дают возможность лучше охватить живую действительность?» (стр. 21 — 22). На этот ехидный вопрос ответить очень не трудно. Если бы мы почему-нибудь избегали говорить о «росте пролетариата» и об экспроприации самостоятельных производителей sans phrases, то мы не сказали бы, что усовершенствование техники превращает часть мелких самостоятельных производителей в пролетариев. Раз мы сказали это, то ясно, что говорить о росте пролетариата мы ни капельки не боимся. А если мы считаем нужным прибавить, что в зависимости от капитала, кроме того, попадают многие из тех мелких производителей, которые еще не успели стать пролетариями, то нужна вся педантическая наивность Рязанова, чтобы увидеть в этом прибавлении уступку оппортунистам. На самом деле тут не уступка, а нечто прямо противоположное. Оппортунисты, — вместе с Рязановым, — измеряют рост капитализма ростом пролетаризации производителей. А мы говорим, что они, — т. е. оппортунисты и Рязанов, — употребляют неточную меру, потому что местами мелкие производители, которые, повидимому, сохранили свою самостоятельность, а потому и не могут быть причислены к пролетариям, на самом деле все-таки попадают в зависимость от капитала. Стало быть, рост капитализма совершается быстрее, чем это кажется оппортунистам (и Рязанову). Вот что говорят не понравившиеся нашему критику строки. Где же в них оппортунизм? Где страх перед г. Бернштейном? Ничего этого в них нет и следа. А потому нимало мы не боимся и тех насмешек, которыми осыпает их наш критик. Мы знаем, что эти насмешки — плод теоретической беспомощности Рязанова, запомнившего известные «ортодоксальные» выражения, но не понявшего смысла «ортодоксального» марксизма. На его насмешки мы ответим ему словами поэта:

Остра твоя, конечно, шутка,
Но мне прискорбно видеть в ней
Несчастье твоего рассудка
И счастье памяти твоей.

А почему мы называем упомянутую зависимость мелких производителей от капитала более или менее явной, более или менее полной, более или менее тяжелой? Нет ли тут какой-нибудь уступки оппортунистам? Нет, и эти строки написаны нами не потому, что мы хотели отступить перед оппортунистами, а, напротив, потому, что мы считали нужным и возможным принудить их к отступлению. Пока зависимость мелкого производителя — например крестьянина — от капитала не бьет еще в те

тенденции соц.-революционеров ни в коем отношении, кроме вредного, к массовому движению не стоят. А теперь мы обратим его внимание на приведенную выше цитату и спросим: неужели уфимский «террористический акт» «доказал» или мог доказать сколько-ниб. сознательным рабочим какую-либо «силу» революцион. движения в России? Среди мутных вод самодержавно-бюрократического моря в террористические сети, наконец, заплыла второстепенная рыбешка. Спрашивается, дает ли это право говорить рабочей массе об удаче ловцов, о «доказанной» «силе» «революционного движения» в то самое время, когда главные зубастые щуки, — и это не случайно, да и всех не переловишь, — свободно гуляют на просторе? Через год после министра Сипягина — один из бесчисленных клевретов самодержавия, губернатор Богданович! На этом невозможно построить даже и той сенсации, которую — худо ли, хорошо ли — могла в течение некоторого времени поддерживать в «обществе» покойная «Нар. Воля»: ведь удары ее шли crescendo, по восходящей линии, закончившись первым марта *. Не о силе революционного движения говорит рабочим массам выстрел в Уфе, а, наоборот, о его дезорганизующей слабости. Истинно-революционное движение, опирающееся на массы, когда оно в самом деле будет настолько сильно, чтобы врагов своих казнить или миловать, уже, конечно, направит свои усилия не на охоту за отдельными представителями проклятого режима (имя же им легион!), а на планомерную атаку этого режима. Но у нас в России пока еще нет революционной партии, которая не то что представляла бы собой казнящую или милующую «силу», а даже просто — сплоченный организм, единообразно и правильно действующий, подчиняясь единому центру. Российская соц.-демократия делает за последнее время величайшие усилия для того, чтобы, наконец, после многолетней работы, превратиться в подобный организм. Но как прикажете охарактеризовать тех писателей, которые, отправляясь от такой эфемериды, как «партия» соц.-революционеров, до сих пор не заявившая себя буквально ни одним коллективным «действием», развязно ссылаются — в подкрепление террористической тактики — на действующие армии с их полками, «отрядами», различными видами оружия и всенаправляющими полководцами? *

* Что геройская, «отчаянная» борьба русских революционеров конца семидесятых годов в свое время изумляла и заражала Европу своим «воодушевлением и самоотверженностью», об этом — и только об этом — говорит Каутский в своей статье «Славяне и революция», ни словом не касаясь вопроса о целесообразности систематического террора. Но тот же Каутский, вскоре после выстрела Карповича [18] и мартовских событий 1901 г. [19] писал (см. № 30 «Neue Zeit» [20] за 1901 г., статью «Die neue Bewegung in Russland»):

«Мы надеемся, что выступление пролетарской массы на арену борьбы придаст движению ту силу, которая сделает террор устарелым и вредным средством борьбы. Правда, приемы борьбы царизма такие варварские, что почти неизбежно вызывают с противной стороны террористические действия. Уже и теперь можно отметить несколько таких актов. Но от разрозненных поступков отдельных лиц до систематического террора целой партии путь еще длинный, и мы надеемся, что новое революционное движение настолько превзойдет по силе и зрелости своего предшественника, что не будет вынуждено итти этой мучительной дорогой».

Кажется, ясно и недвусмысленно, но это нисколько не мешает гг. социалистам-революционерам — для подкрепления своих доводов — всуе призывать имя Каутского.

* Поэтому нам более чем странно слушать обычный припев соц.-революционеров, будто их террор находится под «контролем» партии, другими словами — того бесплот-

---

близорукие глаза, которые существуют главным образом затем, чтобы не видеть, она неохотно принимается во внимание социалистическими оппортунистами и апологетами капитализма, и попавший в нее производитель продолжает считаться самостоятельным. В виду этого факта, — хорошо известного всем тем, которые знакомы с современной социально-политической литературой, — мы сочли нужным напомнить, что более или менее скрытая зависимость есть все-таки зависимость и что ее возникновение знаменует собой расширение области господства капиталистических производственных отношений. Это напоминание показалось опасным новшеством Рязанову. Но что же нам делать? Нам попрежнему остается только скорбеть о том, что его память счастливее его силы суждения.

А почему мы говорим, что указанная зависимость бывает более или менее полной и тяжелой? По причине, тождественной с только что приведенною. Зависимость «самостоятельного» производителя от капитала обыкновенно не принимают во внимание, пока она не очень тяжела или не дошла до своего крайнего предела. Поэтому и в статистических расчетах, приводимых для опровержения «марксовой догмы», производители, еще не успевшие попасть в полную и тяжелую зависимость от капитала, фигурируют обыкновенно в качестве самостоятельных. Мы своей формулировкой напоминаем о том, что это не более как апологетический софизм, а Рязанов кричит об измене ортодоксии единственно потому, что в ортодоксальных программах других стран он с подобной формулировкой не встречается. Нам прискорбно, очень прискорбно видеть это счастье его памяти и это несчастье его рассудка.

«Что значит увеличивать „хозяйственное значение“?» — продолжает ехидничать Рязанов.

На этот вопрос, свидетельствующий об его полной научной невинности, тоже очень легко ответить.

Если прежде стоимость годового продукта крупных предприятий составляла половину стоимости годового продукта данной нации, а теперь составляет три четверти ее, то хозяйственное значение названных предприятий увеличилось. Неужели это не ясно? Неужели это не просто? И неужели Рязанов не знает, что по мере того, как растут производительные силы буржуазного общества, хозяйственное значение крупных предприятий все более и более увеличивается? Если в самом деле не знает, то я советую ему обратиться, например, к германской статистике: он найдет там по этой части очень поучительные данные.

А какой ценой покупается это увеличение хозяйственного значения крупных предприятий? Ответ и здесь прост и ясен: ценой уменьшения значения средних и мелких

«И в войнах, — говорят они, — наряду с отрядами, напирающими густым строем, бывают и раскинутые цепи застрельщиков, и смелые диверсии небольших дружин добровольцев-охотников. И смешон был бы тот полководец, который во имя какого-то абстрактного... «массового принципа» стал бы отрицать всякие виды... военной тактики, кроме прямолинейного наступления густыми колоннами, сомкнутым строем всей „массы“ войска».

Но, без всякого сомнения, был бы нисколько не смешон, а преступен тот — с позволения сказать — «полководец», который в момент начинающейся мобилизации народного ополчения, когда еще нет дисциплинированного войска и так много хаотического возбуждения, вздумал устраивать «сражения» — с двумя-тремя «охотничьими отрядами». А затем по меньшей мере странно — и возможно лишь крайне условно — сравнивать революционную партию, действующую при данных в России условиях, т. е. в период, подготовительный к народному восстанию, — с армией на войне. Армии, идущей в битву с врагом, приходится прежде всего задаваться вопросом о том, как рациональнее распределить, истратить, развернуть свои наличные силы. Нечто совершенно другое представляет собой партия, опирающаяся на массы в своем развитии. Можно сказать: до окончательной схватки с врагом она одерживает свои главные победы — над сознанием рабочего народа. Вся ее тактика, каждый ее шаг рассчитан не столько на то, чтобы непосредственно сломить неприятеля, сколько на то, чтобы массовыми движениями подготовить из необученной толпы своих сторонников крепкие кадры победоносного войска. Но этого мало: каждым своим коллективным действием партия, будоража толпу, до тех пор индиферентную, призывает эту массу к участию в действии. Лишь по нужде принимает она — до времени — сражения от врага, предпочитая, как буры в войне с англичанами, своими вечно тревожащими маневрами держать его в постоянном напряжении.

Этого не понимают и не могут понимать наши «социально-революционные» противники. Потому-то и играют они такую «своеобразную» роль в демонстрациях — этих типичных проявлениях массового действия. Сегодня они готовы кричать об их непригодности, а завтра — делать попытки звать неготовую толпу — на штыки неприятеля, чтобы тотчас же затем — под впечатлением неудачи — опять взывать к спасителю-террору. На их языке это называется — разносторонностью!

Гг. соц.-революционерам показалось, что уфимский выстрел удобный случай для того, чтобы пристегнуть свое имя к пролетарскому массовому движению. Ну,

---

чего существа, которое следует золотому правилу: кто в лес, кто по дрова. Кстати, для того чтобы доказать «невозможность» для «террористического отряда» «оторваться» от массы и «превратиться в самодовлеющее предприятие», соц.-революционеры, нимало не смущаясь, проводят параллель между ним и «любой типографской и транспортной группой». Эти смелые люди забывают или сознательно игнорируют одно: типографская или транспортная группа по самому своему характеру группы, имеющей дело с отдельными подготовительными стадиями революционного «производства», ни в коем случае не может зажить самостоятельной жизнью, не переставая быть типографской или транспортной группой. Совершенно другое дело — «террористический отряд»: он не только может, но он всегда имеет тенденцию развиться в «самодовлеющее предприятие», о чем и говорят нам факты прошлого.

предприятий. При этом возможны, разумеется, самые различные комбинации. Может случиться, что число как мелких, так и средних предпринимателей не изменится. Может тоже случиться, что оно увеличится в большей или меньшей степени*. Может, наконец, случиться и то, что число производителей одного из этих разрядов увеличится, а число производителей другого разряда уменьшится. Так, например, в Германии за время от 1882 до 1895 г. число мелких предприятий (с 1—5 лиц.) уменьшилось на 186.285, а число средних (с 5—50 лиц.) увеличилось на 54.458. Но это последнее обстоятельство, — т. е. увеличение числа средних предприятий, — не помешало уменьшению их значения в хозяйстве страны**.

Если уменьшение этого значения сопровождается относительным ухудшением положения производителей даже в том случае, когда их число возрастает, то можно догадаться, что́ происходит в том случае, когда это число уменьшается. «Трудно себе представить, — справедливо говорит Каутский в своей «Эрфуртской программе», — более жалкое, более бедственное существование, чем то, какое ведет мелкий ремесленник или мелкий крестьянин, конкурирующий с крупным производством». Число мелких производителей уменьшилось в Германии в периоде 1882—1895 гг. именно потому, что часть их не выдержала конкуренции крупного производства (между тем как другая попала «в более или менее полную» и т. д. зависимость от капитала, см. выше). Но победа крупного производства над мелким знаменует собой именно рост хозяйственного значения крупных предприятий. Судите же после этого о глубокомыслии Рязанова, с самодовольным ехидством вопрошающего нас: «Неужели постоянное усовершенствование техники ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей только потому, что увеличивает хозяйственное значение крупных предприятий?» (стр. 22).

Наш глубокомысленный и едкий Рязанов не унимается: «Мелкие самостоятельные производители вытесняются — кем?» — ехидно вопрошает он. Но читатель

---

* Пусть извинит мне Рязанов за частое употребление слово «более или менее». Я знаю, что он, при своем решительном характере, очень их недолюбливает. Но как обойтись без них, не превращаясь в метафизика, рассуждающего по формуле: «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого»?

** То соображение, что хозяйственное значение предприятий данного разряда может уменьшиться, несмотря на увеличение их числа, обыкновенно не приходит в голову апологетам капитализма и критикам Маркса или замалчивается ими. Наша программа напоминает о нем. А Рязанов, по своему обычаю, не разобравши дела, кричит: «измена!».

что ж? Если на минуту допустить эту связь и признать за ними «роль» в движении, то это будет лишь «роль» — не лишенных усердия дезорганизаторов.

[Старовер-А. Потресов]

ПОЛЬСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ О «БУНДЕ».

В № 4 журнала «Przegląd Robotniczy»[21] в заметке, подписанной Р. Л., дается оценка изданной Бундом брошюре «Польская Социалистическая Партия об еврейском рабочем движении». Приводим ту ее часть, которая посвящена позиции Бунда.

«Брошюра Бунда обнаруживает, как нам кажется, некоторое шатание в вопросах организационных вообще.

«Авторы брошюры обосновывают необходимость отдельной самостоятельной еврейской партии в Польше и в России двоякими аргументами. Во-первых — специальными политическими задачами, вытекающими из исключительного положения евреев в русском государстве. „Еврейский пролетариат, — говорят они, — не составляет исключения среди пролетариата всех других наций. На-ряду с общими требованиями пролетариата тех наций, среди которых он живет, он имеет еще свои собственные национальные требования, свои собственные исторические задачи". Такой задачей, по мнению Бунда, является достижение гражданского равноправия для евреев в России. Во-вторых, „пролетариат каждой нации имеет свою выработанную историей психологию, свои традиции, привычки и т. п...", что также делает, по мнению авторов брошюры, необходимым создание самостоятельной партии, которая „должна быть проникнута его (данного пролетариата) идеалами, понимать его психологию".

«Нам кажется, что оба аргумента недостаточны для обоснования необходимости „самостоятельной еврейской партии".

«Что касается первого пункта, то мы полагаем, что товарищи „бундовцы" ошибочно считают достижение гражданского равноправия евреев специальной политической задачей еврейских социалистов. Наоборот, уничтожение исключительных законов против евреев заключается в программе как польской, так и русской социал-демократии, стремящейся к политической свободе для всех „подданных" царя, без различия национальности, пола и вероисповедания, точно так же как „черта оседлости" и другие варварства царизма по отношению к евреям представляют собою лишь одно из проявлений господствующей реакции.

«Если бы специальные исключительные законы, касающиеся известных групп пролетариата, могли служить основанием для отделения их в самостоятельную партию, то мы в Германии пришли бы к выводу, что земледельческий пролетариат, живущий под господством пресловутого Gesindeordnung (положение о прислуге), должен создать самостоятельную социалистическую партию с целью завоевания себе равноправия.

«В действительности дело обстоит не так. Собственно сущность социал-демократической партии составляет то, что по отношению к разрозненным групповым и временным интересам пролетариата она представляет общие и постоянные интересы рабочего класса в каждом государстве, и это соединение всех частичных стремлений класса в одну программу действий есть одновременно лучший оселок и лучшее подтверждение этих стремлений. Если интересы известной группы пролетариата могут по природе своей составлять только программу этой группы и не могут быть обоб-

---

согласится, что отвечать на этот вопрос совершенно излишне: дело ясно и без того. Мы предпочитаем потолковать с Рязановым о кризисах. Тут мы можем услышать от него нечто в самом деле пикантное.

В нашем проекте программы показано, каким образом технический прогресс изменяет производственные отношения современного общества к невыгоде пролетариата. Вслед за этим мы говорим: «Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся соперничество этих стран на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающих количествах. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя в свою очередь еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному или даже абсолютному ухудшению положения рабочего класса».

Эти строки приводят Рязанова в очень веселое настроение духа. Он, как говорится, просто покатывается со смеху и непрерывно блещет шутками. „Назвался груздем, полезай в кузов", — острит он. „Более или менее острые кризисы" и „более или менее продолжительные периоды промышленного застоя" могут только еще „более или менее" разорять мелких производителей, еще „более или менее" увеличивать зависимость наемного труда от капитала и т. д. Этот вывод, конечно, „более или менее" нелеп, но виноваты тут „более или менее" нелепые посылки» (стр. 33).

Очень хорошо! Остра твоя, конечно, шутка! Но чем же именно нелеп тот вывод, который подсказывает нам наш остроумный критик? Тем ли, что вредное влияние кризисов и периодов застоя на положение пролетариата и мелких производителей определяется в нем лишь как «более или менее» сильное? Нет! Это совсем не нелепость, это, — самая очевидная истина: кто же не понимает, что не все кризисы и не все периоды промышленного застоя одинаково вредно влияют на положение наемных рабочих и мелких производителей? Нелепость не здесь. Она заключается в том предположении, — молчаливо принимаемом в остроумной шутке Рязанова, — что, чем острее кризис, тем вреднее его влияние на положение указанных классов. Это предположение ни на чем не основано: при известных условиях менее острый кризис может оказаться более вредным для рабочих и для мелких производителей, чем кризис более острый. То же надо сказать и о периодах промышленного застоя. Их вредное влияние

щены как интересы пролетариата всего государства, то это может служить прямым доказательством, что в данном случае мы имеем дело со стремлениями, ошибочно почтенными за классовые интересы рабочих. Это относится, например, к требованию восстановления Польши *. Если же стремление известной группы пролетариата входит как составная часть в общую программу рабочей партии и может быть обобщено как требование всего пролетариата данной страны, то это — очевидное доказательство того, что мы имеем дело с известной частичной формой классового интереса. Таково положение вопроса о достижении равноправия для евреев путем свержения самодержавия. Поэтому, раз приобретение евреями прав гражданства не есть специальная задача еврейских социалистов, а задача, общая для них и для всех прочих борцов за политическую свободу в русском государстве, то специальная партия, построенная на основе этого требования, была бы с самого начала создана в расчете на измену, на предательство в решительный момент со стороны русского, польского и пр. пролетариата по отношению к делу еврейского пролетариата.

Такая предусмотрительность, весьма похвальная в частной жизни, могла бы однако в политической борьбе иметь место лишь относительно буржуазных партий, но отнюдь не относительно партии пролетариата, для которой дело гражданской свободы во всяком частичном проявлении есть ее собственное классовое дело. По правилу—hodie tibi, cras mihi **—рабочий класс вынужден бороться с реакцией во всех ее проявлениях и охранять свободу — даже для иезуитов, как мы это видим на примере немецкой социал-демократии. Тем менее поводов имели бы еврейские товарищи предполагать, что социал-демократия русского государства будет пренебрегать делом эмансипации евреев, если последние не отделятся для борьбы за нее в самостоятельную партию. Напротив, нам кажется, что путем тесного об'единения с другими социал-демократическими организациями в одну партию Бунд может гораздо успешней влиять в том направлении, чтобы наряду со всеми политическими требованиями обращалось в достаточной мере внимание на дело равноправия евреев, нежели тогда, когда это дело выделяется Бундом из совокупности требований как его, Бунда, монополия.

«Точно так же слабым кажется нам утверждение брошюры, что „если еврейский пролетариат захочет, чтобы права его (по достижении политической свободы) были действительными правами, если не хочет, чтобы они даны были ему из жалости, по добрым соседским чувствам, — он должен будет сорганизоваться и тогда в самостоятельную революционную партию“. Мы полагаем, что в данном случае еврейские товарищи являются жертвой простого недоразумения. Ведь при достижении политической свободы еврейский пролетариат не получит никаких специальных прав, для использования которых он должен был бы организоваться в особую партию. Политическая свобода будет в сущности уничтожением всяких исключительных законов о евреях, уравнением их в гражданских правах со всеми прочими; для пользования же общими политическими правами, казалось бы, еврейский пролетариат может наилучшим образом соединиться в общую партию со всем пролетариатом русского государства.

* Как известно, польская социал-демократия отрицает всякую связь между требованием отделения Польши и интересами польского пролетариата.

** Сегодня твоя очередь, завтра — моя.

не может быть измеряемо одной их продолжительностью. Оба эти молчаливые предположения действительно нелепы. Но они не наши: они сделаны Рязановым. Значит, и смеется Рязанов не над нами, а над самим собою.

Но это еще только цветочек, а вот ягодка — и довольно сочная. Со свойственной ему остротой и беспощадностью анализа Рязанов разбирает строки, относящиеся у нас к кризисам и периодам застоя, можно сказать — до самых мелких подробностей. Так например, услышав, что мы говорим о кризисах и о периодах промышленного застоя, он, нахмурив лоб, наморщивши чело, немедленно ставит нам следующий тонкий и, по его мнению, уничтожающий вопрос: «Какое значение имеет тут союз „и“? Противопоставляет или соединяет?» И он не берется отвечать за нас: «Трудно сказать определенно, — говорит он, разводя руками. — Мы можем только сказать, что „и“, поставленное между этими двумя понятиями, должно показывать, что авторы отличают кризисы от периодов промышленного застоя. Иначе они не сочли бы нужным выделить второе явление». Что верно, то верно! Мы в самом деле отличаем кризисы от периодов застоя и потому мы рукоплещем догадливости Рязанова. Но он недоволен нами; он сердится; он опять становится язвительным. «Для чего они это сделали? — спрашивает он, грозя очами, и насмешливо отвечает: — Для обстоятельности. И действительно, если явится какой-нибудь новый Бернштейн и докажет нам, что „более или менее острые кризисы“ уже исчезают, то у нас про запас останутся еще более или менее продолжительные периоды промышленного застоя! Мы таким образом победоносно парируем возможное возражение возможного Бернштейна. Но, к сожалению, мы при этом „фотографичность“, конкретность тож, покупаем на счет логики и научности» (стр. 32).

Вот оно как! Насчет логики и научности! Но не слишком ли это строго, наш остроумный критик? Почему вы вообразили, что мы убоялись возможного Бернштейна? Почему вы не хотите допустить, что мы просто-напросто хотели остаться верными действительному взгляду действительного Маркса? Возьмите действительный первый том действительного сочинения, называемого «Капитал», и там, на действительной 374-й странице действительного русского перевода (под редакцией г. П. Струве), вы найдете вот что:

«Эта громадная, дающая себя знать в толчках растяжимость фабричного производства и его зависимость от мирового рынка необходимо порождают лихорадочное производство и следующее за производственной горячкой переполнение рынков, сокращение которых производит паралич. Промышленная жизнь таким образом превращается в последовательный ряд периодов среднего ожи-

«Так же обстоит дело и с другим аргументом: национальные особенности недостаточны для обоснования партийной обособленности. Психология, национальные различия обусловливают, разумеется, специальные способы агитации, но отнюдь не требуют образования особой партии. Психология рабочих на Урале или в Тифлисе в высшей степени отличается от психологии петербургского пролетария, не меньшая разница и между психологией баварского батрака и берлинского рабочего.

«Самым важным для социалиста национальным отличием является, без сомнения, язык, который вместе с специальной еврейской культурой требует специальной агитационной литературы и особой устной агитации, что делает необходимой такую организацию, как Бунд. Мы ничуть не сомневаемся, что те блестящие результаты, каких социалистическая агитация достигла в настоящее время среди еврейского пролетариата Польши, Литвы и России, были возможны лишь благодаря значительному приспособлению Бунда к среде, в которой он работал. Отсюда вытекает необходимость соответственной формы организации, которая бы обеспечила Бунду и на дальнейшее время самодеятельность в его агитации и достаточную свободу движений в пределах социал-демократической партии государства. Но мы полагаем, что такая свобода вполне осуществима внутри общей партии.

«Словом, с какой бы стороны ни брать вопрос, трудно обосновать необходимость совершенно отдельной еврейской партии практическими целями агитации или политической борьбы пролетариата. Такое обоснование могла бы дать лишь отдельная националистическая программа. Но Бунд сам не признает такой постановки вопроса, высказываясь — в противоположность „P. P. S“ — совершенно справедливо, что „свержение самодержавия есть общая задача всего пролетариата империи“ и что „общая борьба требует общей тактики и общей минимальной программы“, в выработке которой „должны участвовать все социал-демократические партии, которые борются против ига самодержавия“.

«Наконец, авторы брошюры выставляют общее положение, что „партия, желающая об'единить всех рабочих данной страны, без различия национальностей, возможна только как федеративный союз самостоятельных национальных рабочих партий“. В связи с этим мы находим теорию, что единица, лежащая в фундаменте международной организации пролетариата, — это национальная партия, второй этаж, если можно так выразиться, составляет федеративный союз национальных партий в каждом государстве, а связь этих федеративных союзов между собою представляет вершину здания.

«Во всяком случае следует заметить, что в современном социализме эта этнографическая теория международности вместо политической впервые выставляется Бундом. И в теории и в жизни организационную единицу социалистического пролетариата представляет в настоящее время не нация, а рабочий класс, живущий в известных общих государственно-политических условиях. Регулировка отношений национальных групп внутри этих партий есть только вопрос практических требований агитации, неодинаковых в различных государствах и в разное время. Федерацию, как принцип этих отношений, впервые провозгласил собственно Бунд Из практики же международного социализма, как и из принципов его, скорее можно было бы, наоборот, вывести, как принцип организации внутри каждого государства, как можно более строгую централизацию, особенно пригодную для

вления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя». Как вы думаете, глубокомысленный критик, — какое значение имеет тут союз „и“? Противопоставляет он или соединяет? Согласитесь, что это очень интересный вопрос, и не скажете ли вы нам, какого именно «возможного Бернштейна» боялся действительный Маркс, когда действительно отличал кризисы от периодов промышленного застоя?

Подумайте об этом, а мы пока отметим, как в том же (первом), так и третьем томе «Капитала», много подобных мест, не оставляющих никакого сомнения в том, что сам действительный Маркс страдал ненавистной вам «обстоятельностью».

До сих пор я восхищался счастьем памяти Рязанова и оплакивал лишь несчастье его рассудка. Теперь я скажу, что в злополучной борьбе его с союзом „*и*“ он был одновременно покинут и рассудком и памятью. И тут он потерпел окончательное крушение, погиб во цвете лет и несравненной литературной красоты. Рязанов может теперь воскликнуть, слегка видоизменяя слова пушкинского Олега и произнося их не с иронией, а с самой неподдельной меланхолией:

Так вот где таилась погибель моя,
Мне смертию «*и*» угрожало!

Бедный Рязанов! Мне, право, вас очень, очень жалко.

Вся книга нашего неугомонного критика написана в таком духе. Рязанов выдает себя за ортодокса, но занимается он просто-напросто буквоедством, причем, как мы только что видели, по временам очень сильно удаляется от ортодоксальной точки зрения. Оно и понятно: чтобы стать «ортодоксом», одной памяти на слова и выражения недостаточно: нужна способность к диалектическому мышлению, которой у Рязанова нет и следа. Увесистым плодом более или менее «ортодоксального» буквоедства Рязанова явились три сотни печатных страниц, решительно никому, — кроме самого Рязанова, да разве еще его группы, — ненужных и решительно ни на что непригодных, кроме разве служения очень ярким примером того, что иное дело критика, а иное дело буквоедство. Скучно возиться с буквоедством. Но... долг прежде всего, и в следующем номере я, по долгу службы, буду продолжать свой разбор более или менее «ортодоксальных» критических упражнений Рязанова.

Г. Плеханов.

наций, не отделенных территориально. Меньшее или большее применение федерализма является скорее в каждом отдельном случае уступкой в виду исключительных условий, как например, в Австрии».

Р. Л[юксембург]

ЕЩЕ О ТАРТЮФАХ.

Может быть, это слишком громко — Тартюфы; но, если прибавить: Тартюфы маленького роста и большой бездарности, — то будет приблизительно верно. Ибо Тартюф, старый католический Тартюф, был талантлив в лицемерии и его нравственный цинизм не был цинизмом бессилия. Другое дело — они, почтенные публицисты «Революционной России».

Они против полемики, — это значит, что они оставляют за собой право не отвечать, когда их уличают в мистификации, в извращениях, в популяризации буржуазной лжи...

Они против полемики, которая расстраивает братские ряды, поселяя «колобродство, нелепые умствования и раскол», которая на-руку гг. Плеве, которая вредит единой, священной, великой (много, очень много прилагательных) цели... которая — говоря кратко — полагает отчетливую грань между рекогносцировочным отрядом буржуазной демократии и партией пролетариата... И они с жадностью, которая внушается им их классовым инстинктом, хватаются за каждую рахитическую идейку, способную — на их взгляд — подорвать политический вес социал-демократии. Ее «догме» они противопоставляют свой самодовольный, свой молодцоватый скептицизм, ее «небоевой» тактике — свою революционную «мимолетность»...

«Мимолетность»... Вы помните краткую, но веселую повесть о скромных похождениях ростовской группы лиц, «тяготевших ко взглядам и методу действий, которым теперь обычно присвоивается имя «социал-революционных» («Рев. Росс.» № 15, «По поводу ростовских событий»)?

Как игриво переплетаются шаловливые звуки этой повести, поведанной «Р. Р.», с торжественными аккордами ростовских событий! «Образовалась было группа... Попробовала самостоятельно вмешаться... Попытка оказалась мимолетной»...

Увы, не в последний раз!.. Киевский корреспондент «Р. Р.» в № 23 этого органа излагает нам печальную повесть новой м и м о л е т н о с т и, разумеется — «резко-революционного характера».

Киевское сообщение, цель которого скомпрометировать Киевский Комитет нашей Партии, построено с глубоким знанием интимных пружин человеческого сердца. Читатель не сразу огорашивается суровыми нападками на социал-демократическую организацию, — нет, он проводится предварительно через длинные пропилеи, пред ним раскрываются светозарные возможности, и только потом, в конце, когда «психологический момент» подготовлен, читателю наносится решительный удар.

Первое письмо из Киева широкими смелыми мазками рисует «социально-революционную деятельность среди наших рабочих». «С начала весны наш комитет по 2-3 раза в неделю устраивает массовые собрания, небольшие — человек в 20-30, и более крупные — в 100-150 человек». «Темой была — необходимость устроить демонстрацию». Второе письмо рисует впечатление от кишиневских событий. Далее изложение событий, с чисто шекспировским расчетом, прерывается письмом «политических заключенных Киевской тюрьмы» к «товарищам на волю». Письмо представляет собою призыв к смелой, энергичной борьбе. Затем повествование снова вступает в права. «Еще перед 19 февраля Киевский Комитет Партии С.-Р. организовал целый ряд массовых сходок, на которых обсуждался вопрос о вооруженной демонстрации 19 февраля». И вот, несмотря на то, что «наш комитет» вел агитацию на целом ряде сходок, и не просто сходок, а массовых—в пользу демонстрации, и не просто демонстрации, а вооруженной,— 19 февраля ничего не состоялось. Почему? Не было, видите ли, достигнуто «необходимое для успеха согласие д р у г и х о р г а н и з а ц и й». Заметим это.

Так как «другие организации» бездействовали, то «рабочие прямо истомились в ожидании непосредственной борьбы». Даже пассивность с.-д. комитета не устояла: «считаясь с таким настроением, Киевский Комитет Р. С.-Д. Р. П. уже выпустил призыв на демонстрацию 20 апреля». А как же социалисты-революционеры? Разумеется, они были на пушечный выстрел впереди событий. «Что касается нашего Комитета, то он решил не только устроить (sic) демонстрацию, но и придать ей резко революционный характер, организовав серьезный отпор полицейским и казацким бесчинствам». Читатель, все еще находящийся в пропилеях, испытывает приступ радостного сердцебиения: С.-Д. Комитет, наконец, выведенный из состояния летаргии, решил устроить 20 апреля демонстрацию, а, главное, с.-р. тоже «решили устроить» 20 апреля демонстрацию и притом «резко революционного характера». Будет буря!

«Перед напором революционной энергии рабочих умолкает умеренный и осторожный голос колеблющихся, и мы решили в пятницу (18 апреля) распространить нашу первомайскую прокламацию, а в субботу — плакаты с призывом на демонстрацию 20 апреля».

«Пока что — все население Киева страшно взбудоражено. На лицах всех обывателей написана тревога, и в воздухе пахнет событиями». Все это, повидимому, в ожидании социал-революционных «плакатов». Будет буря!

Увы! Последнее письмо сообщает нам, что «события, которыми пахнет в воздухе», отменены. Кем? Властной рукой Киевского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Опасаясь погрома, он отложил демонстрацию особым извещением.

Что же социалисты-революционеры? Они не разделяли этих опасений. Они находили, что отменить демонстрацию значит «склониться перед угрозами гг. Плеве». Они имели налицо «настроение рабочих — лучший залог того, что демонстрация будет носить резко выраженный антиправительственный характер», они имели за собой целый ряд массовых собраний (2-3 раза в неделю с начала весны), они назначили демонстрацию «с серьезным отпором», они уже заготовили «плакаты», они уже наполнили киевский воздух запахом событий... Уже все — все было готово. Но с.-д. Комитет отменяет демонстрацию, и социал-революционные «плакаты» (разумеется, «резко-революционного характера») остаются

неиспользованными. «Как это ни было тяжело, — повествует корреспондент, — пришлось отказаться от устройства демонстрации». Господа! Можно ли энергичнее расписаться в своем бессильном желании «самостоятельно вмешаться»? Можно ли ярче выставить свою «мимолетность»?

Вы утверждаете, что «масса средних рабочих, составляющая силу демонстрации, мало обращает внимания и не особенно ясно понимает фракционные различия». Вы утверждаете, что «рабочие прямо истомились в ожидании непосредственной борьбы».

Вы живописуете нерешительность и умеренность нашего Комитета, становящегося поперек дороги крупным событиям, — и вы неизбежно заставляете спросить: да почему же эти революционно-настроенные массы, мало обращающие внимания на «фракционные» различия, почему они не пошли за вами, за вами, которые были, остаетесь и будете представителями смелой революционной инициативы? Почему? Не потому ли, что у вас нет ничего, кроме вашего «резко революционного характера»: ни связей с пролетариатом, ни влияния, ни понимания задач массового движения? Спазматический революционизм — самое большее, на что вы способны.

Под острым впечатлением кишиневских событий, под градом чудовищных слухов, распространяемых полицией, Киев ждет погрома и приурочивает его к демонстрации. Власти готовятся зверски расправиться с демонстрантами под предлогом усмирения еврейского погрома*. Все сделано для подготовки этого погрома. Выйти в этих условиях на улицу — значило дать врагу сражение при специальных условиях, созданных врагом. Уклониться от этого сражения не значило признать себя побежденным. Это значило оставить за собой право выбрать более благоприятный момент. Конечно, великая победа — превратить подготовляемый погром в политическую демонстрацию. Но горькое поражение — дать врагу возможность превратить подготовляемую демонстрацию в еврейский погром. Переждать острый момент при таких исключительно неблагоприятных обстоятельствах — тактическая обязанность революционной организации, если, разумеется, она смотрит на демонстрацию как на средство политического воспитания масс, а не как на исход чувствам спазматического революционизма.

Вы старались сохранять на своей «демократической» физиономии мину снисходительного благодушия по адресу социал-демократии, выключив лишь из нее «Искру», как существо, которому все человеческое чуждо. Но ваша благодушная мина все чаще превращается в нетерпеливую гримасу досады: социал-демократия энергично отстаивает свой классовый характер от ваших «внефракционных» притязаний.

Киевский корреспондент «Р. Р.» выражает «полное недоверие с своей стороны к социал-демократическим деятелям, переносящим в Россию приемы руководителей организации «Искры» (№ 23).

Одесский корреспондент в том же № сопоставлят нравственную физиономию «Искры» с нравственной физиономией «независимцев» (очевидно — в целях уничтожения «междуфракционных различий»), и, наконец, сама редакция, «пользуясь случаем», сообщает из подполья читателю, что у нее есть в боковом кармане еще один протест от революционеров разных фракций против тактики «Искры»...

Ужас, ужас! Эфес горит, Дамаск пылает, тремя Цербер гортаньми лает:

гортанью киевского корреспондента, гортанью одесского корреспондента и коллективной гортанью братолюбивой редакции.

И, отведя душу триединым лаем, наш Цербер, «внутри раздираемый на части, извне замолчит», — а недели через две (к выходу нового №) снова заговорит, пожалуй, речью революционного Тартюфа о вреде идейных колобродств и о пользе мирного братолюбивого жития. И найдутся добрые души, которые прольют слезу.

[Н. Троцкий]

---

* См. листок Киевского Комитета: «Почему была отменена демонстрация 20 апреля?»

„БЛАГОРОДСТВА СВОЕГО НЕ СОБЛЮЛА".

К характеристике революционных нравов.

(Письмо в редакцию.)

«Дело, конечно, не в критике действовавших на месте революционеров, — писала «Рев. Росс.» «по поводу ростовских событий» («Р. Р.», № 15). — Не это важно и интересно, если отнестись к вопросу с точки зрения общих интересов революции, а не с точки зрения минутных расчетов междуфракционной (!) распри... И тот факт, что в ростовской стачке принимал участие Дон. Ком. Росс. С.-Д. Р. П., для нас поэтому есть лишний повод не вдаваться в критику его поведения и перенести центр тяжести в чисто общую и принципиальную постановку вопроса». Вот как благородны соц.-рев.!

Не будем же забывать об этом. Если «Р. Р.», заверив сначала, со слов своего корреспондента, что в Ростове во время стачки «образовался - было кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться и выпустивший прокламацию за подписью „Группа соц.-рев."», будет затем изливать потоки наиблагороднейшего негодования на т. Амвросия, на «Искру» и Д. К. за то, что это «преступное сообщество» осмелилось утверждать, будто эта прокламация была подписана «Дон. Ком.», а, следовательно, обвинять «кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться», в подлоге (см. № 20 «Р. Р.»); если «Р. Р.» будет проливать скорбно-благородные слезы по поводу попыток «забросать грязью» оратора Брагина, причислив его под шумок к лику соц.-рев. и тем самым пристегнув «партию» соц. - рев. к ростовским событиям, — то да охранит вас провидение от нечестивой мысли заподозрить, что вся эта «жесточайшая литературная истерика» понадобилась «Р. Р.», чтобы присосаться к ростовским событиям и прорекламировать за их счет «партию» соц.-рев. О, нет! Она только об «общих интересах революции» и заботится.

Предостерегши таким образом читателей от вполне возможных и естественных заблуждений, мы теперь можем со спокойной совестью перейти к истории с прокламацией, выпущенной «кружком, попытавшимся само-

стоятельно вмешаться», в количестве... нескольких десятков экземпляров (кажется, 30 шт.), отгектографированной так, что прочитать ее было невозможно, и, в довершение всех несчастий, разорванной рабочими без прочтения.

Тов. Амвросий и «Искра» утверждали, что злосчастная прокламация была подписана «Д. К.», а не «Гр. с.-р.». А Д. К. пишет следующее («Р. Р.» № 20): «Очень возможно, что она была подписана „Д. К.“, и труднее всего допустить, что она была за подписью „Гр. соц.-рев.“» *.

Эти «очень возможно» и «труднее всего допустить» особенно сильно взволновали «Р. Р.» и дали ей повод с удивительной бесцеремонностью вмешаться во внутренние дела совершенно чуждой ей организации и произвести Донскому Комитету допрос с пристрастием.

«Что очень возможно, господа? — кричит «Р. Р.». — Что вы принимаете в свою организацию людей, легкомысленных до способности совершить подлоги? Что вы, когда вам не удается установить грязного обвинения, отделываетесь разными „очень возможно“ и „труднее всего допустить“?».

Успокойтесь, гг. редакторы, умерьте нежножко ваше благородство и постарайтесь выслушать следующее.

Д. К. основовывал свои утверждения на том, что, во-первых, «о существовании в Ростове во время стачки соц.-рев. решительно ничего неизвестно» (а до стачки — смеем добавить — о них было известно лишь то, что в Ростове их никогда не было), и, во-вторых, как раз накануне выпуска прокламации один из членов «кружка, попытавшегося самостоятельно вмешаться», бегал по всему городу с целью «достать» печать Д. К., которая, надо думать, нужна была «кружку» не для того только, чтобы ею любоваться.

Но... предположим на время, что «Искра», т. Амвросий и Д. К. составили злостный комплот с целью «забросать грязью» «кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться», обвинив его в подлоге. И посмотрим, к каким выводам мы придем при таком предположении.

До 4 ноября, как уже указывалось, в Ростове-на-Дону не было совсем никаких соц.-рев. Но в ночь с 4 на 5 ноября — по безапелляционному утверждению «Р. Р.» — в Ростове-на-Дону совершилось таинство рождения и крещения новой «Группы соц.-рев.» **. В таинствах однако оказалось очень мало таинственного, потому что о новорожденных мы могли бы сказать словами Фамусова: «Ба! знакомые все лица». Какие же это в самом деле новорожденные, когда еще вчера они были в нашей социал-демократической организации? «Р. Р.» старается уверить нас, что новорожденные «тяготели ко взглядам и методу действий, которым теперь обычно присваивается имя „социал-революционных“». Но мы не можем согласиться с нею, потому что новорожденные не только никогда не «тяготели», а, наоборот, очень категорически высказывались против «взглядов и метода действий, которым теперь обычно присваивается имя „социал-революционных“». И мы упорно продолжаем думать, что, если уж в ночь с 4 на 5 ноября что-нибудь и произошло, то во всяком случае не рождение, а скорее всего «внезапное перерождение», которому «теперь обыкновенно присваивается имя» — измена.

Да не подумает читатель, что выражение «измена» употреблено для «игры слов» или в пылу полемического задора. Пусть читатель сам судит: в соц.-дем. организации состоят «товарищи», которые никогда не проявляли склонности к «социал-революционному методу» и, наоборот, всегда относились к нему отрицательно. И вдруг, в одну прекрасную ночь, они с головокружительной быстротой «перерождаются» в соц.-рев. и делают «попытку самостоятельно вмешаться», т. е. выступить со своим собственным «благородством и нервностью»... то бишь программой и тактикой против комитета как раз в том момент, когда необходимы дружные и единые действия. Это уже не легкомыслие, о котором писал товарищ Амвросий; это измена — и факты говорят нам, что она была подготовлена заранее.

А факт таков: еще задолго до стачки один из членов «кружка, попытавшегося самостоятельно вмешаться» (и, кажется, именно это и есть «товарищ, принимавший участие (?!) в движении»), состоя в организации Д. К. пропагандистом, в то же время тайно от организации и со всякими предосторожностями находился в деятельных сношениях с соц.-рев., получал от них литературу и даже приступил к устройству в Ростове-на-Дону одного крупного «социал-революционного» предприятия. Никакому сомнению не подлежит, что этот соц.-рев. в соц.-дем. маске прокрался в нашу организацию с благородной целью разрушить этот никуда негодный Д. К. и воздвигнуть на его развалинах новое и, конечно, не в пример сод.-дем., прекрасное здание «социализации, кооперации и боевой организации» (иначе зачем ему было так «законспирировать» свои сношения с соц.-рев.?).

Не знаем, какое имя «теперь обычно присваивается» такому «методу действий», но очевидно, что «минутные расчеты междуфракционной распри» тут не при чем и что этот «метод действий» наиболее соответствует «общим интересам революции».

И, однако, Д. К. не решился утверждать, что «кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться», совершил измену (а именно это-то и старается доказать «Р. Р.»). Д. К. и в мысль не приходило, чтобы прокламация могла быть подписана иначе, как соц.-демократами. Но затем, когда злостная прокламация — по категорическому утверждению «Р. Р.» — превратилась в капитальнейший пункт ростовских событий, несмотря на ее заверения, что необходимо «перенести центр тяжести в чисто общую и принципиальную постановку вопроса», тогда уж и Д. К. начал сомневаться *. В самом деле,

---

* Где и в чем противоречие между тем, что утверждают т. Амвросий и «Искра», и тем, что утверждает Д. К., где противоречие, о котором с торжеством и «во всеуслышание» возвещает «Р. Р.»?

** «Р. Р.» настолько осведомлена насчет этого деликатного обстоятельства, что знает даже адрес и имя хозяйки квартиры, где таинства совершались.

* Большим курьезом звучит претензия «Р. Р.» к тов. Амвросию, что тот «поет с чужого голоса», утверждая, что злосчастная прокламация была подписана «Д. К.». А она-то с чьего голоса поет, как не с голоса своего корреспондента? Или она, быть может, будет утверждать, что это голос не чужой? Но тогда, стало быть, она также повинна в «методе действий» «товарища, принимавшего участие (?!) в движении»?

не проявилась ли в его организации самая подлинная измена?

Мы боимся, что, прочитав все это, всякий беспристрастный читатель задаст себе тревожный вопрос: как бы с «Р. Р.» не произошло такого же греха, какой случился с одной весьма благородной девицей, которая «благородства своего не соблюла».

Члены Д[онского] К[омитета]:

Амвросий [Мочалов], Зека [Захар Михайлов], Иван [И. Ставский] и *Павел [С. И. Гусев].*

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Как царское правительство готовится к революции. В доставленном нам приказе по войскам Одесского гарнизона (от 7 апреля 1903 г.) читаем:

«Для предупреждения и прекращения могущих быть в гор. Одессе беспорядков и волнений, от войск гарнизона устанавливается периодически особый наряд дежурных частей, которые должны находиться в полной готовности к немедленному выступлению по непосредственному вызову градоначальника, обращенному к командирам отдельных частей войск. При вызове градоначальником дежурных частей по телефону требовать сообщения секретного ключа.

«Районы действий дежурных частей, определяемые нарядом, есть только примерные. Точное же указание места, куда должны следовать дежурные части, будет указываемо градоначальником по вызове. О вызове дежурных частей градоначальником тотчас же должно быть донесено непосредственно мне, в штаб округа, и сообщено и. об. гор. коменданта. Вызов прочих частей войск (кроме дежурных) может быть сделан не иначе, как по распоряжению начальника гарнизона. Распоряжение это может быть передано тремя способами: письменным приказанием, телефоном (требуя ключ) и вывешиванием сигналов на городских каланчах (днем — красный флаг; ночью — красный фонарь). Для принятия приказания, переданного сим последним способом командирам отдельных частей, установить постоянное наблюдение за каланчами. В случае, если обстоятельства вынудят для предупреждения или прекращения возникших в городе Одессе беспорядков вызвать все войска гарнизона, то при этом предписываю принять к непременному исполнению и руководству следующее: 1) на этот случай город разделяется на два отдела: восточный и западный. Граница между обоими — по Преображенской и Приморской ул., причем обе эти улицы входят в восточный отдел. Восточный отдел делится в свою очередь на 5 участков: №№ 1, 2, 3, 4 и 5, западный же — на 4 участка: 6, 7, 8 и 9. Кроме того, особый участок № 10, не входящий в состав отделов и учреждаемый лишь на период года с 1 мая по 1 октября».

За сим следует определение границ всех десяти участков и распределение военных сил между ними. Из последнего мы узнаем, что против одесских граждан мобилизуется около старот пехоты, две артиллерийские батареи, несколько сотен казаков и состав пехотного юнкерского училища. Крепостной артиллерийский батальон «по получении распоряжения о вывозе войск для охранения порядка» должен выслать караул (не менее взвода) к минному складу, «а остальной части изготовиться к выступлению по первому приказанию».

Сборными пунктами назначены: 1) памятник герц. Ришелье, 2) Греческий базар, 3) угол Польской улицы и Польского спуска, 4) Старый базар, 5) угол Канатной и Б. Арнаутской, 6) Ново-Базарная площадь, 7) угол Градонач. и Старо-Портофранковской, 8) угол Госпитальной и Мясоед. ул., 9) Лагерная площ., 10) Михайловская площадь. Резервы собираются на Привозн. площади, Старо-Конной площ. и Старо-Сенной площ. Юнкера должны стоять у ст. Куликово-Поле и у госпиталя. Полевые жандармы определяются сторожить дворец.

Далее идут распоряжения о наряде фельдшеров и врачей, о снабжении солдат боевыми патронами и веревками и о распределении команды над войском.

§ 13 гласит: «Начальники участков по прибытии на сборные пункты немедленно должны назначить соответственные караулы ко всем казенным зданиям, находящимся в участке, а именно: ко всем военно-окружным управлениям, к казначейству, государственному банку, почтово-телеграфной конторе и пр., а при необходимости — к большим частным складам вин, магазинам оружия и т. д.». Войсковой склад и пороховые погреба должны охраняться усиленными караулами.

«Со штыками все можно сделать, только сидеть на них нельзя», — эти 100 лет тому назад сказанные умным реакционером слова следует припомнить слугам самодержавия. Последнее уже теперь опирается только на одни штыки. Но нет лучшего способа пробудить к политической жизни солдат и офицеров, как эти постоянные приказы быть готовыми к расстрелу сограждан, как эти тщательно разработанные стратегические планы кампании против «внутреннего врага». Социал-демократы не дадут правительству желанного повода выполнить эти планы при условиях, неблагоприятных для народа: они не примут генерального сражения до тех пор, пока военная дисциплина и солдатская пассивность не будут в корне подорваны. Они заставят правительство расшатать эту дисциплину, дезорганизовать и деморализовать войско этим постоянным напряжением, этой постоянной тревогой ожидания тех событий, когда невольный раб самодержавия должен выступить в роли палача своих собратий. Мы воспользуемся этим лихорадочно-тревожным ожиданием для того, чтобы проникнуть в казармы и во вражеском лагере подготовить засаду врагу. И когда час генеральной битвы наступит, всякий лишний батальон, выведенный против народа, будет означать новый пункт, на котором самодержавию будет грозить поражение.

Старайтесь, господа, старайтесь! Выполняйте ту часть подготовительно-революционной работы, к которой вы наиболее пригодны: сейте в войсках тревогу и неуверенность, дезорганизуйте их, показывайте им, что вы сами неуверены в завтрашнем дне! Уничтожайте в них веру в ваше всемогущество, озлобляйте их мелочностью вашего сыска, свирепостью вашего преследования солдатской и офицерской крамолы, недоверием к войску, которое так ярко проявляется в ваших секретных приказах! Подготовляйте войско к моменту революции.

Балансировать на кончиках солдатских штыков — еще можно в течение известного времени. Ерзать на них, как это делает русское правительство, очень рискованно...

Петербург, 9 мая. Последний месяц, «майский», прошел в этом году сравнительно спокойно. Комитет решил демонстрации не устраивать, так как было известно, что полиция приняла угрожающие меры, а между тем и настроение масс не обещало в этом году сколько-нибудь внушительной демонстрации, так что пошли бы одни организованные рабочие и, конечно, стали бы жертвами полиции. Кроме того, за несколько дней до 18 апреля арестованы были чуть ли не в одну ночь три типографии, где, между прочим, взяты уже приготовленные майские прокламации «Искры» и Организац. Комитета; в то же время в стбботу 12 апреля арестовнао собрание в 30 чел., где было много посторонней публики, но было также несколько рабочих.

Тем не менее, Комитет успел издать на ротаторе (усовершенствованный мимеограф) 13 тыс. прокламаций (10 тыс. «Искры» и Орг. Ком., 3000 своих, приглашавших к забастовке) и распространил их в 20-х числах апреля. Больше всего можно было ожидать забастовки 1 мая на Обуховском заводе, где настроение у рабочих было очень боевое; на предмайском собрании (таких собраний, человек в 20—30, было в этом году несколько в разных районах) представители обуховцев настаивали даже на демонстрации. Но начальник завода ловким маневром избежал забастовки: он первый предложил рабочим праздновать этот

день, и они, застигнутые врасплох таким неожиданным предложением, спокойно разошлись *. Забастовали в этот день резиновая мануфактура, фабрика механического производства обуви, завод Вестингауза и, кажется, еще кой-где. Во всяком случае Мещерский с полным правом писал тогда, что «этот день, слава богу, прошел благополучно». В конце апреля и начале мая было арестовано несколько курсисток, около 20 рабочих на Путиловском заводе, несколько рабочих с Васильевского острова, с Обуховского завода (человек 20, из них один с красным знаменем) и еще в нескольких местах.

Теперь обыватели ждут каких-то грозных событий 16 мая, в день 200-летия Петербурга. По городу ходят самые чудовищные слухи, вплоть до того, что будут бросать в народ бомбы. О каких-то прокламациях, будто бы приглашающих к вооруженному восстанию в этот день, говорят давно и упорно, и это заставляет предполагать, не было ли тут, действительно, какой-нибудь провокаторской штуки. Полицейским творчеством отдает и другой упорный слух о готовившемся покушении на Николая. Полиция настроена, во всяком случае, нервно. Войска до сих пор не уведены в лагерь и остаются в городе.

Кроме майских листков Спб. Комитет распространил за последнее время прокламацию о златоустовской бойне, о царском манифесте и прокламацию Орг. Ком. о ростовской демонстрации 2 марта. Распространено было также довольно много «Искры» с 29 до 37 №. Деятельность Комитета значительно ослаблялась до сих пор обилием существующих здесь революционных организаций. Так, кроме соц.-рев., имеющих кой-где среди рабочих незначительные связи, здесь действовал еще Комитет Рабочей Орган. (или «Союз Борьбы»), теперь повидимому почти исчезнувший, затем небольшая группа лиц, отколовшаяся от Комитета вследствие чисто личного честолюбия и самозванно выпускавшая иногда листки тоже за подписью Спб. Комитета, хотя ее не признают ни Орг. Ком., ни один из местных Комитетов партии. Теперь у нее нет почти никаких связей; тем не менее она разослала на-днях по почте листок к обществу о кишиневском погроме с тою же подписью. Кой-где распространен был также майский листок «Революц. соц.-дем. группы Воля» (ею изданы еще листок к солдатам и брошюра «Боевая тактика»).

Наконец, на некоторых фабриках появилась прокламация «Независимой рабочей партии», чрезвычайно любопытное произведение, авторы которого, наверное, не зубатовские агенты, не за страх, а за совесть стараются одурачить рабочих уверениями, что им удастся развить сильные экономические организации и даже участвовать в законодательстве под сенью самодержавного правительства.

Москва. Майские прокламации Организационного Комитета и «Искры» были удачно распространены на фабриках и заводах, а 27 апреля были брошены с галлереи в Малом и Новом театре. Среди рабочих было задержано всего 7 чел. — притом безусловно не из числа членов организации. В театрах ар[естован] никто не был. Все прокламации были подобраны публикой. Арестованные в 1902 г. по делу о пропаганде среди солдат 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка: Альшанский, Гольдблат, Никольский, Аносов, Батурина и Соколов — преданы военно-окружному суду по обв. в преступлении, предусмотр. 2 ч. 250 ст. ул. о наказ. (известие вполне достоверное).

Н.-Новгород. Местным комитетом, по примеру прошлого года, было решено устроить и в нынешнем году демонстрацию 1 мая. Подготовка к ней, помимо обсуждения вопроса в пропагандистских и организационных кружках, выразилась в распространении специальных майских листков и устройстве агитационных собраний. Из листков были распространены: 1) листки орг. «Искры» и Орган. Ком. в количестве 3000 экз., 2) листки Орг. Ком. (маленькие) в 4000 экз. 3) листок комитета с первомайскими требованиями (все требования, сжато формулированные и раз'ясненные, были соединены в одном листке и они же были изданы — каждое отдельно — для разбрасывания во время демонстрации в количестве 3000 и 1500 экз.), 4) листки, посвященные обзору событий текущего года, — 1600 экз., 5) специально призывной с указанием места и времени демонстрации, 6) листок к солдатам нижегородского гарнизона. Последний вызвал сильнейшее возбуждение в солдатской среде. Офицеры, потерявшие голову, не отбирали листков. По заявлению солдат, немногие из них стали бы стрелять в толпу. На агитационные предмайские собрания приглашались не только затронутые пропагандой рабочие, но и совершенно еще несознательные. В общем на всех собраниях перебывало до 500 рабочих. Об этих собраниях было известно в Сормове. Многолюдность собраний и условия местности гарантировали почти полную их безопасность. Подобные же собрания устраивались и в городе. Рабочие шли на них охотно. К сожалению, в последние дни перед 1 мая несколько собраний по разным причинам не могло состояться. Эти собрания сильно поднимали настроение, заставляли много говорить о себе в Сормове (часто приходилось слышать пожелания, чтобы подобные же собрания устраивались и в мирное время), страшно беспокоили полицию, которой сильно не нравилось шарахаться ночью по лесам. Один помощник пристава, который должен был отправиться в подобную экспедицию, на коленях со слезами умолял полицмейстера уволить его от такой прогулки: «У меня, — говорит, — жена, дети...». Был послан другой, который обладал большим полицейским мужеством.

Демонстрация состоялась в Сормове 1 мая в 8 веч. Группа рабочих, числом около 60 человек, во главе с организатором, присланным местным комитетом, прошлась несколько раз по главной улице Сормова с тремя знаменами, на которых были надписи: «Да здравствует свобода, долой самодержавие, да здравствует 8-часовой рабочий день, да здравствует международная социал-демократия, да здравствует Росс. С.-Д. Р. П., да здравстует всемирный рабочий праздник 1 мая!». Толпа тысяч в десять сплошной массой залила улицу, двигаясь за социал-демократами с боков и сзади, но не сливаясь с ними; присоединялись лишь отдельные лица. Демонстранты разбрасывали прокламации, за которыми выбегали отдельные лица из толпы, хватали их и пускали их по рукам. Было разбросано так около 2000 экз. Пройдя несколько раз улицу с пением песни «Дружно, товарищи, в ногу», демонстранты после краткой речи руководителя рассеялись в толпе.

На месте арестов не было. Конные полицейские врезались было в кучку демонстрантов. Пристав кричал: «Расходитесь по домам, кому тут делать нечего. Сечь будем!» Толпа бросилась бежать. Женщины, дети закричали, началась суматоха. Один урядник ударил рабочего плетью. Тот закричал: «Чего ты дерешься?» — «Я тебе еще не так задам, с... с...» — ощетинился было урядник, повернув к нему лошадь. В это время из группы демонстрантов раздался голос: «Бей их, негодяев!» Бросившаяся было бежать толпа остановилась, на мгновение замерла и потом с гиком и свистом бросилась на конную полицию. Полицейские попробовали-было выдержать натиск, но, сообразив, что для них это может кончиться весьма печально, во весь карьер помчались прочь — лишь пыль взвилась столбом... Толпа бросилась преследовать их.

Это был единственный момент, когда толпа слилась с соц.-демократами. Минуты через три по окончании демонстрации по улице мчались казаки, полиция, жандармы. Минут через десять прибыл батальон пехоты. Но демонстрантов уже не было.

Нельзя отрицать влияния на успех демонстрации массовых арестов перед 1 мая. В общем было арестовано около 100 чел. на квартирах, на улицах, в лесу и т. д. Обысков же было бесконечное множество. Детальный план демонстрации, заранее разработанный, пришлось по причинам, о которых мы не находим возможным здесь говорить, снова переработать почти на самом месте действия. Благодаря этому была потеряна связь между самыми обязательными участниками демонстрации, многие из которых и не приняли в ней участия. Отмена нескольких

---

* Между тем на другом берегу Невы ждали наготове солдаты, чтобы в случае надобности немедленно двинуться на пароходиках на Шлиссельбургский тракт.

агитационных собраний перед самым 1 мая, широкое распространение слухов о переполнении Сормова войсками и казаками отозвались неблагоприятно на настроении организованных рабочих и отчасти послужили причиной необходимости заново переработать план демонстрации. В самом городе демонстрации не было. Полиция и жандармерия ждали ее и здесь. Рыскали везде, арестовывали отдельных лиц из рабочих и интелл. молодежи, которые пели революционные песни. Из Марьиной рощи (место праздничных гуляний и чаепития мирных обывателей), где, как предполагает полиция, часто бывают собрания рабочих, в 4 ч. дня 1 мая выгнали решительно всю публику. Как сознаются сами исполнители мудрого предписания (чины полиции), чувствовали они себя очень гнусно, маршируя лесом под градом ругани самоварной публики. Аресты продолжаются и после 1 мая. Тюрьмы переполнены, но жандармы с грустью сознаются, что никакого существенного урона комитету и рабочим организациям они не могли нанести. Крамола остается по-старому, и по старому им нужно хлопотать об уничтожении ее к возможному приезду сюда, в Нижний, Николая.

Тверь. В ночь на 18 апреля весь город, рабочие слободки, фабрики и заводы были засыпаны листками Организационного Комитета. Полиция с ног сбилась, собирая и конфискуя их. До сих пор, однако, их ходит масса по рукам, не говоря уже о рабочих, но даже среди обывателей. Всю эту неделю каждую ночь находят некоторое количество листков разбросанными и раскленными: стараются какие-то неизвестные добровольцы. Было подброшено и в казармы гренадерского полка несколько пачек листков. Хотя много было конфисковано переполошившимся начальством, но — как нам достоверно известно — среди солдат листки циркулировали. Пока ни обысков ни арестов нигде не было. Впрочем, один «распространитель» едва не попал в полицейские лапы: ночной сторож накрыл его в ту минуту, когда он наклеивал прокламации на стену тюрьмы. Но задержанный не потерялся, ударил его камнем и скрылся. Среди обывателей идут разговоры о «бунте». — Недавно по совершенно случайному поводу арестован журналист В. М. Шулятников, проживавший в Твери под надзором.

Тула, 1 мая было собрание рабочих в 60 человек, а 4 мая, в воскресенье, было собрание в 120 человек с красными знаменами, речами, песнями, которые заранее репетировались. Одушевление большое. Полиции ничего не было известно.

Самара. Еще задолго до 1 мая в нашей богоспасаемой Самаре стали ходить слухи, что в этот день будет «бунт», демонстрация, еврейский погром. Слухи эти на некоторых наших мирных обывателей (особенно евреев) нагнали такой страх, что они сочли за лучшее на этот день совсем уехать из Самары на дачи или даже в другие города. А купцы-евреи отправили к губернатору депутацию с просьбой защитить их. «Все меры приняты, будьте покойны», — ответил он им. И, действительно, полиция не дремала. Хоть и двух недель еще не прошло с набега башибузуков, поведшего за собой арест 26 чел., как в ночь с 20-го на 30-е вновь было забрано 32 чел.—большей частью не имевших никакого отношения к «красному призраку». (Все они через пять дней были выпущены. Говорят, местное жандармское управление просило у деп. пол. разрешения продержать этих лиц еще неделю, но ему было отказано). Кроме того, все участки были переполнены рабочими и босяками. Всего, говорят, было забрано 1.050 чел. Переодетые босяками, шпионы сновали всюду, сообщая, куда следует, о всех мало-мальски подозрительных «скоплениях народа». Из Сызрани были вызваны войска, и две роты всю ночь с 30 апреля на 1 мая и весь день 1 мая, стояли у памятника Александру II и около тюрьмы. По городу дефилировали артиллерийцы и казаки с нагайками, которыми они внушительно помахивали... О полиции и говорить нечего: она была везде — на всех углах, в конках, в театре. Понятно, обывателей такое небывалое оживление не мало интриговало, и многие из них отправлялись смотреть на демонстрацию, но, кроме демонстрации полицейских, так ничего и не видали... Самарский Комитет 30 апр. и 1 мая распространил в массе «предварительные» и майские прокламации «Искры», а также местный майский листок, в котором, в виду еще недостаточно окрепших сил самарских рабочих, им предлагалось обождать с выступлением на улицу до более благоприятного случая, отпраздновав на этот раз великий день 1 мая тайными собраниями и забастовкой и, кроме общих требований росс. рабочих — «8 час. раб. дня и политической свободы», выставлялись кое-какие частные требования — повышение расценка, удаление некоторых нежелательных мастеров и пр. 1 мая забастовали, кроме мелких ремесленных мастерских, заводы Лебедева и Журавлева, жел.-дор. мастерские и депо. Вышеуказанные требования увеличения расценка и пр. были кое-где удовлетворены. Все это мало, очень мало по сравнению с успехами других русских рабочих, но, вспоминая, как недавно началась в Самаре соц.-дем. работа, видишь, что некоторые результаты ее уже ощущаются и, вероятно, недалеко то время, когда и здесь рабочие выйдут на улицу, чтобы отпраздновать вместе великий всемирный пролетарский праздник.

В другой корреспонденции сообщается:

Спокойное и ровное течение нашей самарской жизни давно уже нарушилось частыми и неожиданными нашествиями жандармов: с тех пор как Сам. Ком. Росс. С.-Д. Р. П. заявил открыто о своем существовании и целым рядом прокламаций стал чутко отзываться на нужды местного рабочего населения, жандармы стали энергично рыскать по городу, решив сразу искоренить начавшую распространяться «крамолу». Чем энергичнее действовали жандармы, чем больше обысков и арестов они производили, тем деятельность Комитета становилась в свою очередь все сильнее и сильнее: в апреле Комитет сорганизовал стачку булочников, которая окончилась полной победой для последних. Забастовало 600 чел. Ясное понимание своих требований и полная товарищеская солидарность дали в результате то, что на четвертый день после забастовки все выставленные требования были удовлетворены: повысили заработную плату, уменьшили рабочий день, обещано было хозяевами устроить отдельные спальни для рабочих и значительно улучшить условия жизни подростков. Комитет выпускал прокламацию за прокламацией, а жандармы все искали и искали... Но вот наступил канун 1 мая; по всему городу стали упорно циркулировать слухи, что 1 мая будет не то избиение евреев, не то бунт рабочих, который должен кончиться убийствами, насилиями и разделом имущества богатых. Наши самарские обыватели привыкли к тихому, мирному образу жизни, не на шутку испугались и целыми семействами стали покидать Самару: кто спешит на поезд, кто на пароход, а кто в первоклассную гостиницу Ивановых. Упорнее всего носился слух о еврейском погроме, и среди еврейского населения заметно было такое угнетенное настроение, какого им у нас еще никогда не переживалось. Перед всеми живо и ясно рисовались эти душу раздирающие картины кишиневского еврейского погрома, эти несчастные жертвы невежественной, озверевшей толпы, и всякий, кто только мог, удирал от этого ужасного, рокового, всеми допустимого момента еврейского избиения. На лицах прохожих лежал отпечаток грусти, волнения и тайного страха перед завтрашним днем. Полиция старалась всеми силами распускать и поддерживать эти слухи: городовые заходили в еврейские лавочки и советовали не выходить 1 мая на улицу, так как вашего брата, мол, бить будут... Чем же было вызвано такое настроение, почему полиция распускает такие слухи? Причина очень простая: рабочие хотели во что бы то ни стало устроить демонстрацию, и так как всякая политическая демонстрация вызывает сочувствие со стороны различных общественных слоев, то полиция поспешила напугать население, чтобы оно или совсем убралось из Самары, или сидело дома и не показывалось на улицу. Жандармы работали изо всех сил: ими были приняты всевозможные меры. Были вызваны солдаты и казаки с нагайками и боевыми патронами. Массовые аресты начались еще за несколько дней до 1 мая. Людей хватали без всякого

разговора, и в тюрьму попали такие лица, которые с революционной деятельностью ничего общего никогда не имели и не имеют. В погоне за Комитетом жандармы дошли до безграничного нахальства и бесстыдства и заставили говорить о себе во всех слоях общества. Дело обошлось не без курьезов. Так, например, нам известен такой безусловно верный факт. Один плотник в красной рубашке возвращается домой обедать. «Ты куда?» — останавливает его городовой, подозрительно рассматривая цвет его рубашки. «Я обедать иду», — отвечает изумленный рабочий. «А зачем ты в красной... Пожалуй-ка в кутузку...». И рабочий очутился в участке, где его ждали все прелести заключения. Таких курьезов было много. Тюрьмы и все участки были переполнены. В тюрьме сидело 112 человек, а по участкам число задержанных дошло до 800. Несмотря однакоже на такие решительные меры, жандармам не удалось достичь своей цели: Комитет остался цел и невредим и выпустил несколько прокламаций, в числе которых была также и первомайская, которую рабочие ожидали с нескрываемым нетерпением. В своей прокламации Комитет призывал рабочих отпраздновать этот день бросанием работ и тайными собраниями. Считая организацию еще недостаточно окрепшей, Комитет счел необходимым воздержаться от демонстрации, несмотря на то, что боевое настроение рабочих неудержимо толкало их на улицу. В железнодорожных мастерских и на заводе Лебедева рабочие бросили работу и в то время, когда в прошлом году оштрафовали за самовольное празднование 1 мая, в этом году не только не было штрафов, но не было даже гудка, призывающего рабочих на работу. Рабочие собирались кружками, говорили о своих нуждах, обсуждали способы борьбы с нашим правительственным гнетом и произволом. На улице же не было никакого движения. Казалось, что все 100.000 население вымерло... Напуганные обыватели боялись показываться на улицах и провели этот день в страхе и волнении. Только казаки, показывающиеся то в одном, то в другом месте, нарушали эту необыкновенную тишину и своим частым появлением как бы напоминали жителям, что в их лице сосредоточена та сила, которая подавит всякий бунт. Теперь наш город принял свой обычный вид: жители успокоились. 6 мая казаки и солдаты были отозваны, из тюрьмы освободили 60 человек, и только остальные заключенные продолжают еще чувствовать все последствия жандармского произвола.

Харьков. В день 1 мая с самого утра все казенные винные лавки не были открыты. Приходилось слышать вопросы: почему это монополька закрыта? Ответ на это каждый вопрошавший получал точный: рабочие сегодня бунтуют, сегодня первое мая и т. д. Обращали на себя внимание возбужденные лица многочисленных околоточных, их парадная форма и т. д. Общие ожидания обывателями «событий» — от демонстрации до еврейских погромов — омрачались скверной погодой: дождь лил целый день. На деле обывательские ожидания не оправдались — событий никаких не было; было зато нечто, что запечатлело этот день в памяти и дало определенное нравственное удовлетворение от сознания, что день первого мая отмечен нашим азиатским правительством как день, в который ему напоминают о его преступлениях, в который за них сводят с ним счеты... Отправился я первого мая часов в 6 вечера, — время, когда рабочие шабашат, — в местность, расположенную вблизи паровозостроительного завода, и, пока прошел несколько кварталов, повстречал до полусотни различных чинов полиции, роту солдат в полном походном вооружении, казачьи патрули. От знакомых узнал, как приготовились полицейские власти подавить всякую попытку праздновать первое мая. С 5 час. утра в паровозостроительный завод введена была полиция и расставлена по местам; кругом завода по дворам, в помещении неработающего завода бельгийского общества расположились казаки, солдаты. Весь наличный харьковский гарнизон — 2 резервных батальона, Оренбургский казачий полк были мобилизованы (и напоены водкой), и каждый воин был снабжен 30 боевыми патронами, а штыки были наточены; всего войска было наготовлено до 2 000 чел. Заводская администрация была спокойна — ее выручала не столько вся эта правительственная сила, сколько стихия; особенно последняя радовала. К тому же завод давно подготовлялся к празднованию рабочими своего праздника — удалялись из рядов рабочих наиболее сознательные, для предупреждения проноса в завод прокламаций установили обыски приходящих на работу. Этой очистке завода помог и бывший в середине апреля пожар, уничтоживший механическую мастерскую и повлекший расчет 700 чел. рабочих, причем всем женщинам выдавался бесплатный проезд до дому, куда затем настоятельно и гнали получивших билеты. Обыски и аресты рабочих за неделю до первого мая поражали всякого обывателя тех мест. Завод усилил отправку паровозов в Китай, назначая проводниками к ним тех, кто по мнению администрации мог быть зачинщиком, вожаком. И, несмотря на всю такую травлю, революционеры-рабочие действовали прекрасно: распространялись листки и прокламации как Харьковского соц.-дем. Комитета, так и предмайские и майские Орган. Комитета. Нет ни одного, — смело так можно думать, — ни одного рабочего, который бы не знал, о чем говорят эти листки, бороться против каких врагов они зовут, в ком и в чем причина гнетущего зла... Полиция и войска в день первого мая наглядно еще раз показали, кому они служат и против кого идут... Рабочей демонстрации не было, была демонстрация полиции. Но как жалко выглядели все эти представители власти перед гордым и смелым смехом мимо идущих рабочих, смехом, заставлявшим отворачиваться всех примерных слуг царя!.. Когда я возвращался обратно в город в 10 час., то повстречал полторы сотни казаков, возвращавшихся в свои казармы из другой части города (из жел.-дор. мастерских) — они были безмолвно мрачны.

Одесса. 18 апреля город имел праздничный вид. На каждом посту стояли: один надзиратель, двое городовых и три или четыре дворника. Около всех ворот сидели дворники и осматривали каждого входящего. На Новом Базаре в корпусе стояла казацкая сотня наготове. Во всех участках были наготове казаки. Солдаты с первых дней Пасхи еще не отдыхали. Никуда их не выпускают. Каждый раз у них делают обыски. Офицерам приказано пореже уходить из дому и, в крайнем случае, сказать денщику, куда уходят, чтобы в случае надобности могли их найти. Тех, которые служат четыре недели, просили не отлучаться из казармы. Некоторые из них обратились к полковнику с запросом, почему хотят лишить их свободного времени. Он на это ответил: «Видите ли, если вы будете на улице, то можете оказаться в рядах бунтовщиков, и убитых из вас примут за убитых солдат». Отсюда видно, как готовилась администрация к празднованию 1 мая (18 апреля). Обысков и арестов почти не было до 18 апреля. Зато 18 апреля полиция работала целый день. С раннего утра во многих трактирах (наших революционных клубах) появились шпионы и расселись по столикам. В 9 час. утра в несколько трактиров по Б. Арнаутской явилась полиция. Обыскивали всех. У многих нашли листки. Арестовали больше ста человек. Многих арестовали на улице по указанию шпионов. В этот самый день, когда полиция так безобразничала в городе, издевалась и била арестованных в полицейских застенках, в тюрьме праздновали 18 апреля. Из всех окон камер, где находятся политические, были вывешены красные знамена. Целый день произносились революционные речи: о значении 1 мая, о программе социал-демократии и друг. Слышны были революционные песни. Тюремная администрация, смотревшая до сих пор сквозь пальцы на «вольности» политических, как-то: пение революционных песен, речи на различные темы и проч., не могла допустить, чтобы такое преступление, как празднование 1 мая на виду у всех, осталось безнаказанным. Всех политических лишили на месяц свиданий. В городе некоторые рабочие праздновали 18 апреля. В ночь на 27 апреля были обыски и аресты. Арестовали 30 человек рабочих. 1 мая (русск. стиль) много рабочих не работало; на крупных заводах не работали более сознательные рабочие, кто половину дня, кто целый день. Многие по личной инициативе устраивали маевки. Одно собрание было арестовано в Пересыпи. Оно указано

было самими жителями, которые видели, как собирались. Теперь явились целые группы добровольных сыщиков, «патриоты еврейского народа», которые обвиняют социалистов-евреев как виновников погромов. Близ этой сходки находятся резницы, около них хлебные амбары, где ютятся еврейские маклера. По наущению полиции резники и маклера били арестованных. Их били на улице, их били и в участке; многие упали в бесчувственном состоянии. Ночью их отправили в тюрьму. После первого мая начали освобождать ежедневно по пяти-шести человек из тех, которые были арестованы три-четыре месяца тому назад.

О майской демонстрации в Тифлисе (27 апр., см. № 40 «Искры») нам пишут: «За несколько недель перед 27 апреля администрация, уверенная в своих успехах, подавляла движение массовыми обысками и арестами. Для нашего полицмейстера Ковалева подавление движения было делом «чести» и карьеры: не раз уж ему доставалось за неумелые и несвоевременные действия администрации. К майской демонстрации он стал готовиться с 23 февраля (после февральской демонстрации): каждое воскресенье все были наготове, скверы и сады целый день заперты — «по случаю неспокойного состояния», как ответил один городовой любопытному обывателю. За два-три воскресенья перед демонстрацией назначались «мирные» прогулки по Головинскому проспекту, что бесило до крайности администрацию, заставляя ее целыми днями быть в напряженном состоянии и не имея возможности выместить злобу на виновниках тревоги; к чести демонстрантов, последние вели себя как нельзя лучше, не давая ни малейшей возможности придраться.

За несколько дней перед майской демонстрацией (27 апреля) в городе появились «листки»; всего в эти дни на Тифлис пришлось около 40 тыс. экз. Вышли прокламации Кавказского Союза, местные, картины: «Пролетариат и самодержавие», «Солдатская песня». Все прокламации выходили на трех языках: русском, армянском и грузинском, а скоро необходимо будет писать и на четвертом — татарском. Надо помнить, что сознательное движение в Тифлисе очень молодо; рабочие в первый раз вышли на улицу в мае месяце 1901 г., 23 февраля 1903 г. второй и 27 апреля третий раз. Сравнительная неудача 23 февраля об'яснялась тем, что администрации хорошо был известен план демонстрации, выработанный местной организацией. На этот же раз удалось сохранить план в тайне до последнего часа. Администрация, уверенная, что местом сборища назначена Эриванская площадь и Солдатский базар, оберегала площадь, не пропуская туда никого и оттесняя собирающийся народ в обратную сторону, по направлению к Артистическому обществу, как бы помогая успеху демонстрации. Уже к 10 час. утра замечалось небывалое оживление на улицах города. Рабочие в одиночку и группами стекались к Головинскому проспекту — к месту, назначенному для демонстрации. Чудный весенний день, оживленные лица рабочих с цветами в руках — все это придавало проспекту небывалый вид. Гулянье продолжалось около двух часов, рабочие постепенно начинали стягиваться к назначенному пункту, против Артистического общества. Чувствовалось уже какое-то нетерпение, у каждого в глазах так и читалось: «Когда же начнется?». Надо заметить, что администрация, хотя и уверенная в своем успехе, все же не поскупилась как можно лучше обеспечить его: на всем протяжении проспекта, во всех больших дворах спрятаны казаки, полиция, войско и дворники. Как полагается, всех «чинов» было гораздо больше демонстрантов. Следует отметить, что директор первой мужской гимназии, к стыду своему, позволил спрятать во дворе гимназии резерв дворников.

Около 11½ час. толпа заволновалась, часть отделилась и выбежала на середину улицы; с криком «ура» со всех сторон стекались рабочие, бросая красные билетики с напечатанным четверостишием Пушкина: «Самовластительный злодей...». Демонстранты тесно окружили центральную группу, и в ту же минуту красное шелковое знамя, обшитое золотом, красиво развеваясь, высоко поднялось среди улицы. Толпа в 400-500 чел., тесно окружая знаменосца, с восторженными криками двинулась по направлению к казенному театру и, дойдя до Театральной улицы, свернула направо и начала постепенно расходиться. Во всех действиях рабочих замечалась удивительная сдержанность и организованность, чему, главным образом, нужно приписать удачу демонстрации. Масса гуляющих с любопытством следила за этой картиной, которая, несмотря на свою непродолжительность, оставила глубокое впечатление. «Что же делала полиция, где она была в то время?» — невольно возникает вопрос. Администрация во главе с пострадавшим «либералом» Ковалевым была окончательно одурачена. Готовясь к майской демонстрации чуть ли не за два месяца, она не смогла раскрыть плана демонстрации и, предполагая, что демонстрация будет на Эриванской площади, все свои силы сосредоточила в этом месте. Когда же началась демонстрация, растерявшиеся городовые начали усиленно свистать, а сами бросились бежать в противоположную от манифестантов сторону. Шествие демонстрантов уже спустилось к Саперной ул., когда подоспели казаки и войско, прилетел раз'яренный неудачник Ковалев со своей свитой: ему только и оставалось вымещать бессильную злобу, и он раз'езжал взад и вперед, руководя действиями полиции и сам пуская в ход кулаки. Дико было смотреть на человека, у которого на левой стороне мундира университетский значок, а в правой руке казацкая нагайка, которою он очень умело расправлялся. Выхваченных из толпы били до потери сознания и отправляли в участок. Арестованных 63 чел., из них 30 выпущены, а 33 подвергнуты аресту на три, два и один месяц. Избитые дворниками хотят начать судебное преследование, многие вызвались быть свидетелями; в числе последних указывают на нескольких офицеров, но, насколько верен этот слух, не могу сказать. Могу подтвердить, что один офицер заступился за манифестанта, за что и был арестован.

Баку, 3 мая 1903 г. Кончаю свое сообщение о здешней демонстрации 27 апр. (см. в № 40). До демонстрации взято свыше 20 человек, преимущественно рабочих; из интеллигентов взяты: ст. Хундадзе (рец.), Абрам Эйзенберг (тоже), Дроздовский (быв. ссыльный). Как видите, это не предупредило демонстрации. В Балаханах демонстрация началась в 7 час. вечера. Когда полиция и казаки бросились отнимать знамя, рабочие встретили казаков (свыше сотни) градом камней. Раздался залп без всякого предупреждения, после чего толпа рассеялась. Убит наповал один рабочий, тяжело ранены пять (лежат в больнице). У одного раненого пуля прошла навылет через голову, входное отверстие — в затылке, выходное — на лбу (значит, раненый убегал); из раны сочится мозг, — больной безнадежен, если уже не умер. Остальные раны — осложненные огнестрельные переломы голени и бедер, и исход ран сомнителен. Раненые все — туземцы: 3 армяне, 1 лезгин, 1 грузин (парикмахерский подмастерье, не успевший закрыть свою лавочку). Повидимому, самая стрельба была тенденциозна; по крайней мере, один казак проговорился: «стреляли в туземцев, своих все-таки жалко». Неизвестно только, был ли такой приказ начальства, или казаки сами так надоумели, как не известно, по чьему приказу стреляли. Раненых, лечащихся амбулаторно, — 12 чел. Ранены также один казак и один полицейский. Озлобление рабочих — сильнейшее, и надо ожидать актов мести начальству. Что касается городской демонстрации (утренней), то подтверждаются слухи об адском плане истребления демонстрантов. Ничем не мотивированная паника, наступившая после холостых выстрелов взвода городовых, и вызванное ею бегство без малейшей попытки сопротивления расстроили этот план. Тяжело раненых в городе нет; число всех раненых точно неизвестно, но, должно-быть, не меньше 20 — 25 *. Вечерняя демонстрация в городе в 5 ч.: относительно нее точных сведений до сих пор дать нельзя. Повидимому, толпа разбилась тут на несколько частей, которые одновременно демонстрировали на Телефонной, Станиславской

* Особенным зверством отличился тут пристав Шамшиев.

и Б. Морской. На Станиславской произошел следующий инцидент. Какой-то неизвестный суб'ект вдруг стал швырять камни в окна, послышался звон разбитых стекол; произошло смятение, но сознательные рабочие опомнились, стали против окон и заявили, что ни за что не допустят диких выходок. Тут же выкинуто было красное знамя — и демонстрация приняла стройный характер. Говорят, установлено, что это был дворник, и даже — что он крикнул: «бей жидов!». (Я лично не считаю установленным последний факт.) Перевес сил тут оказался на стороне демонстрантов. Пристав Гогоберидзе с одним городовым устремился на толпу с револьвером в руке, но, получив удар камнем в голову, ретировался. Озлобленная толпа с криками: «нас били, так теперь мы будем бить!» жестоко избила городового и изранила его его же шашкой (он лежит в больнице). Демонстрация вызвала во всем городе небывалое возбуждение. Во всем городе только и разговоров, что про первое мая. Слухи один другого фантастичнее, один другого нелепее стали циркулировать по городу. Кишиневские события окрасили эти слухи специфическим цветом. Поддерживаемые, повидимому, внушениями из полиции, стали усиленно циркулировать слухи о готовящейся национальной резне: евреи ожидали избиения евреев, армяне — армянского погрома и т. д. К 1 мая старого стиля был выпущен на русском и армянском языках второй майский листок Организационного Комитета (3.000). После демонстрации сразу выяснилось, что будет чуть не всеобщая майская забастовка, публика же ожидала новой демонстрации, сопровождаемой национальной резней. Последние слухи, к счастью, не оправдались, но забастовка вышла грандиозной. Во всем городе, в Черном и Белом городках, на Баилове и Биби-Эйбате и в Балаханах подавляющее большинство рабочих бастовало; работали только буровые, где рабочие почти исключительно — татары *. Успеху забастовки много способствовал террор, овладевший буржуазной публикой. Заводская администрация не оказывала ни малейшего давления на забастовщиков, боясь актов разрушения. Город 1 мая имел необычайный вид. Полиция и войско наготове; большинство лавок и магазинов заперто. На улицах много рабочих в праздничных одеждах, но все удивительно чинно и стройно. Рабочие праздновали маевку за городом. Атмосфера в городе какая-то особенная; даже в банках, на бирже и в конторах не слышно больше слов: «нефть», «мазут», — их вытеснили слова: «демонстрация», «прокламация», «Кишинев» и пр. Все говорят, что так длиться долго не может. «Мы живем накануне революции» — можно услышать теперь из уст буржуа. Оппозиционно-настроенная еще по национальным мотивам, буржуазия открыто выражается: «Зачем я буду удерживать своих детей? Пускай идут!».

Майским движением воспользовались рабочие отдельных заводов для выставления своих частных требований. Бастовали и выиграли стачку рабочие табачной фабрики Мирзабекянца. В общем 1 мая не работали почти все квалифицированные рабочие и часть неквалифицированных.

[Файнберг]

Юрьев. Перед 1 мая были распространены листки на эстонском яз.. Это повлекло за собою обыски и аресты. Известны фамилии ар[естованных] следующие: бр. Рождественских, Серговского.

О празднованиии 200-летия Петербурга. Тревожное время переживаем теперь мы, русские... Всюду проникает «крамола», революционное настроение охватывает даже самые отдаленные уголки нашей родины, и правительству «постоянно приходится быть настороже», как говорил сам Зубатов... Что же удивительного, что правительство деятельно начало «готовиться» к празднованию 200-летия нашей столицы, тревожно прислушиваясь ко всем слухам... Еще за месяц до празднеств по городу начал ходить слух о готовящемся бунте на Невском, в котором примут участие рабочие и студенты. В последние дни до празднеств о «бунте» говорили как об окончательно решенном деле, указывали, где бунт должен начаться, и т. д. Многие чиновники и вообще буржуа перед 16 мая выезжали из города, другие в этот день совершенно не выходили из дому. Среди простого народа ходили еще более «ужасные» слухи: напр., утверждали, что Петербургскую сторону «взорвут с четырех сторон», ту же участь предсказывали и новому Троицкому мосту... Более мирная часть говорила, что будут бить только богатых и полицию... Наконец, известная часть публики (дворники, швейцары и т. п.) утверждала, что будут бить «жидов». Этот слух усердно поддерживала полиция. Известно из достоверных источников, что полиция разослала некоторым евреям-купцам гектографированные «извещения» с предупреждением о готовящемся погроме. Словом, весь Петербург ожидал нечто «ужасное»... Правительство тоже усердно начало «готовиться». Во-первых, департамент полиции обратился к фабрикантам и заводчикам с приказанием удержать рабочих от празднеств и, в крайнем случае, назначить тройную плату. Считаю весьма интересным отметить следующий факт: на тех заводах и фабриках, где администрация вывешивала об'явление, что 16 и 17 мая на заводе будут итти работы обычным порядком и пропустившие эти дни будут оштрафованы, — там все рабочие настояли на праздновании 16 мая. Наоборот, там, где администрация сама предлагала праздновать, — рабочие отказывались от празднеств (напр., патронный завод Сименса и Гальске. «Если мы сами захотели бы праздновать, тогда и праздновали бы, а так не хотим», — отвечали рабочие одного завода мастерам). Говорить о «военных» подготовлениях правительства, я думаю, дело излишнее: они стали столь обычным явлением у нас на Руси!.. Таково было настроение города перед 16 мая, первым днем празднеств. (Я позабыл сказать, что в ночь на 16-ое в городе были массовые обыски и значительные аресты, что еще более встревожило обывателей). Но вот, наконец, наступил столь ожидаемый день... Улицы очень мало украшены, кое-где красуются юбилейные флаги, исключение составляет Невский — место «бунта»... Читая газеты, можно подумать, что в городе творилось «великое торжество», что его императорское величество встречали «восторженным ура» и пр. и пр. К счастью, ничего подобного не было: только вечером по Невскому гуляла толпа, жаждавшая поглазеть на иллюминацию, которая... была отменена. Затем самого царя встречали «восторженным ура» лишь дворники да шпионы, которых в настоящее время насчитывают до нескольких тысяч... Я лично присутствовал при проезде Николая из Исаакиевского собора — и буквально кричали «ура» лишь отдельные «личности», о принадлежности которых к охранному отделению не трудно догадаться хотя бы по физиономиям. Вообще участие в празднике принимало лишь само правительство со всей сворой полицейских чиновников...

На следующий день, т. е. 17 мая, все украшения и пр. были сняты, а празднества отменены.

С.-Петербург. Недавно здесь разнесся слух о покушении на Николая, причем передавали, что покушался какой-то студент-медик. В действительности произошла следующая история. На одной из пересекающих Фонтанку улиц ожидался проезд Николая. В это время проходил какой-то рабочий, держа в руке два свертка. Шпионы почему-то обратили на него внимание и начали следить. Рабочий же этот направился в поблизости находящийся трактир, где встретился с каким-то приятелем и передал ему один из своих свертков, что вызвало еще большее подозрение со стороны шпионов. Выйдя из трактира, рабочий направился по той же улице и случайно, вынимая платок из кармана, выронил оттуда находившийся при нем револьвер. Конечно, его немедленно арестовали и через несколько часов отправили на допрос. Рабочий этот показал, что находившийся при нем револьвер он взял исключительно лишь в виду того, что живет на окраине города, а возвращаться туда ему придется поздно вечером, что не совсем безопасно. Были наведены справки, рабочий оказался вполне благонадежным и вскоре был освобожден.

---

* Впервые выпущена была майская прокламация на татарском языке, к сожалению лишь в 100 экз.

О поездке шефа жандармов в Томск и Иркутск из достоверного источника передают следующее. После демонстрации, бывшей в Томске и вообще в Сибири, фон-Валь решил лично отправиться в Сибирь для искоренения крамолы. По приезде в Томск он узнает, что центр крамолы находится в Иркутске и там-то процветает «центральная» тайная типография. Немедленно скачет туда подстреленный шеф жандармов и к ужасу своему узнает, что к крамоле причастны даже «лица, состоящие на государственной службе». Узнает... Вы думаете — от полицейских чиновников? О, нет, он получает сведения из первоисточников, чуть ли не от самих крамольников... Дело в том, что в Иркутске существует какой-то драматический кружок, среди членов которого существует вражда. Когда приехал фон-Валь, одна особа из числа членов этого кружка, сильно враждовавшая с инженером Оглоблиным, начальником какой-то железнодорожной ветви, встретившись с фон-Валем, собиравшим непосредственно в «обществе» сведения о крамольниках, указала на Оглобина, как на одного чуть ли не из вожаков. Шеф немедленно обратился за справками—и оказалось, что большая часть служащих у Оглобина политические... Сомнения в неблагонадежности уже не могло быть, и фон-Валь стремглав летит в Петербург с докладом к фон-Плеве: крамола найдена. Однако, даже Плеве усомнился и посоветовал фон-Валю лично обратиться к Николаю, а последний, как и подобает самодержцу, немедленно приказал уничтожить крамолу. Оглоблину немедленно телеграфировали явиться в Петербург и попросили подать в отставку. Между тем Оглоблин, узнав о причине такой немилости, отправился к Хилкову и доказал, что все политические служащие, находящиеся на его ветке, приняты по рекомендации самого Пантелеева (ген.-губ.), что последний не замедлил подтвердить. Теперь Оглоблин снова водворен на старое место, а фон-Валь помчался в Сормов, где 1 мая была демонстрация. Желаем ему такого же успеха!

Петербург. 18 мая в Предварилке об'явлена голодовка. Выставлены следующие требования: 1) ускорение следствия; 2) улучшение пищи; 3) освобождение четырех товарищей из карцера и 4) уничтожение карцера, как наказания. Поводом к последнему требованию послужило избиение до смерти одного уголовного, сидевшего в карцере. Начало голодовку мужское отделение (более 100 человек), на следующий день присоединилось и женское. Когда же стало известно об убийстве уголовного, то буквально вся тюрьма присоединилась к протесту. В понедельник (второй день голодовки) заключенные потребовали прокурора, но тюремщики отказались известить его. Тогда произошел «настоящий» бунт: выбивали стекла в окнах, выбрасывали вещи, кричали и пр. Немедленно была вызвана конвойная команда, и почти около каждой камеры стоял часовой. Вскоре появился прокурор, а вслед за ним приехал «по приказанию Николая» великий князь Владимир Александрович. Весь этот день в Предварилку никого не впускали, и какое значение имело это «высочайшее посещение», пока не известно, но сегодня голодовка продолжается. По городу распространены листки по поводу голодовки.

«Единение царя с рабочими». Социал-демократическая организация «Труд» в Москве сообщает о том, как царь на Пасху принимал «депутацию рабочих» (зубатовцев).

«Нами получено следующее сообщение от одного из депутатов зубатовской организации к царю. Вот приблизительно его рассказ, за достоверность которого мы ручаемся:

«В депутаты к царю большинство из нас избрано по рекомендации охранного отделения. Перед представлением нас несколько раз возили в охранку, допрашивали, снимали, дали список слов, которые мы должны были сказать. Если мы скажем хоть одно лишнее слово, то нам грозили Сибирью, каторжными работами, Петропавловкой и т. д. Перед тем, как итти к царю, мы были собраны в охранное отделение, куда приехал Трепов и повел нас во дворец. Мы сказали все, что нам велели. Царь спросил Слепова, как его фамилия; он сказал: «Слепов». Царь его спросил, не он ли пишет статьи, говорил, что они очень хороши, и благодарил. После этого нас представили Плеве. Плеве взглянул на нас как на мальчишек и ни слова не сказал. Губернатор приглашал нас к себе завтракать, но мы не поехали, а поехали с Богдановичем в „Славянский Базар". Богданович угостил нас, а затем сказал, что дает нам всем по 5 руб., причем оказалось, что некоторые не получили. Теперь мы из-за этого переругались. Затем были с визитом у губернатора и провожали на вокзал Богдановича. Когда стали открывать у кареты дверь, он испугался и выскочил в другую».

Москва. Царь среди своих «верноподданных». Для охраны царя во время его пребывания в Москве были согнаны сюда сыщики из С.-Петербурга, Киева, Варшавы и др. мест. Сыщики же составляли банды для встречи царя криками «ура!». В свободное от службы время городовые в рваной босяцкой одежде сновали среди толпы для той же цели. Солдаты и казаки были наготове и прятались во дворе генерал-губернатора, в Охотном ряду, во дворе губернского правления (близ Иверской) и др. местах.

Все без исключения чиновники охранного отделения получили после того награду, городовые — месячный оклад жалованья. Телеграф работал беспрерывно, сообщая то из одного, то из другого города о выезде в Москву какого-либо «подозрительного» лица. По приезде в Москву таковое арестовывалось. Сыщики спали по два часа в сутки.

Политический процесс. Обвинительный акт о крестьянине деревни Летошник, Рогнединской волости, Рославльского уезда, Смоленской губернии, Климе Сампсонове Фролове, 21 года, обвиняемом в государственном преступлении.

В ночь на 14-е и 15-е мая 1902 года, в городе Екатеринославе и в прилегающем к нему поселке Нижнеднепровск-Амур, по преимуществу в местах, где проживали заводские рабочие, неизвестными злоумышленниками были разбросаны в значительном количестве по улицам, в палисадниках и во дворах печатные листки с воззваниями от имени «Екатеринославского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» под заглавием: «Ко всем рабочим и работницам г. Екатеринослава». На обратной стороне этих листков, в дополнение к воззваниям, от имени того же комитета и за его красной мастичной печатью, были отпечатаны, под заглавием: «По поводу полученных нами сведений о сечении демонстрантов», два столбца текста, в которых частью в совершенно ложном виде изложены действия административных властей, предпринятые для предупреждения и прекращения бывших волнений и беспорядков.

В воззвании и в об'яснительном дополнении к нему, между прочим, об'является, что, несмотря на предпринятые полицией предупредительные меры, политическая демонстрация, устроенная в честь рабочего праздника 1 мая, состоялась в Екатеринославе 5 мая, в 6 часов вечера, на проспекте против театра и около тюрьмы и была ответом рабочих на аресты, сеченье крестьян и прочие «безобразия правительства»; что они, социал-демократы, смеются над тупой и бессильной злобой «самодержавного правительства» и «твердо верят, что красное знамя пролетариата и демонстрации скоро зажгут великий пожар, который сотрет с лица земли самовольно распоряжающееся русским народом правительство», после чего «над родиной воссияет святая свобода». «В борьбе с революцией тираны нашей родины ухватились за старое, испытанное средство: за розгу». «Царь — главный заправила всех этих сечений, главный тиран, угнетающий русский народ». «Царское правительство окончательно забыло всякую честь и совесть, не останавливается ни перед какой жестокостью и подлостью, чтобы задавить народ и уничтожить борцов за свободу». «Самодержавное правительство напрягло свои силы для борьбы с революцией, но и революция должна напрячь все свои силы». «Пусть все поймут и глубоко почувствуют,

что господство кнута и розги поддерживается только самодержавным царским правительством и что русский народ только в беспощадной борьбе с ним обретет себе права свободного человека».

Всех таких воззваний, разбросанных в ночь на 14-е и 15-е мая, было собрано полицией в пределах Днепровской, Троицкой, Брянской и Соборной полицейских частей г. Екатеринослава и в пос. Амур-Нижнеднепровск 294 экземпляра. Лица, разбросавшие эти воззвания, дознанием не были обнаружены, но в 5 часов утра, 15 того же мая, в помещении Брянского завода г. Екатеринослава был задержан в момент разбрасывания таких же точно воззваний служивший на заводе смазчиком крестьянин Клим Сампсонов Фролов.

При производстве формального дознания выяснилось, что Фролов задержан при следующих обстоятельствах.

По показанию свидетелей: городового Вацлава Богдановича, десятских доменного цеха Евсея Зайцева и Егора Воейкова и весовщика того же цеха Спиридона Володина, все они около 5 часов утра 15 мая, в ожидании смены на заводе рабочих, которая должна была последовать в 5 час. утра, находились в помещении доменного цеха Брянского завода, причем первый свидетель стоял в самом помещении цеха, а последние трое сидели в будке № 1. Зайцев, сидя подле окошка, первый увидел, как неизвестный ему рабочий вошел в помещение цеха и, крадучись, стал пробираться к отделению, где шла работа ночной смены рабочих, и, дойдя, таким образом, к под'емной машине, вынул из-под мышки несколько сложенных бумажек и бросил их вверх; это видел и Богданович. Подозревая, что неизвестный бросил воззвания, Зайцев и Богданович бросились преследовать этого рабочего, а за ними вслед побежали Володин и Воейков; последний успел подобрать разбросанные бумажки, оказавшиеся сложенными вчетверо печатными воззваниями, такими же точно, как и описанные выше воззвания. Преследуя неизвестного рабочего, свидетели загнали его в угол стены, вышиною более двух сажен, откуда выхода не было; но неизвестный взобрался на стену и, вооружившись камнем, приготовился бросить им в свидетелей. Чтобы предупредить это намерение, Володин схватил кусок шлаку и бросил в него, после чего неизвестный свалился со стены и упал на рельсы проходящего внизу пути. Когда подбежали к нему, то оказалось, что при падении он сломал ногу и не мог без посторонней помощи подняться. Около него лежали разлетевшиеся воззвания, кроме того неизвестный вынул из карманов пиджака еще пачку в несколько десятков штук таких же воззваний. Этот рабочий оказался служащим на Брянском заводе смазчиком, крестьянином Климом Сампсоновым Фроловым. Привлеченный в качестве обвиняемого в разбрасывании в помещении доменного цеха Брянского рельсопрокатного завода преступных воззваний для распространения их среди рабочих с целью возбудить последних к бунту или явному неповиновению власти верховной, крестьянин Клим Фролов признал себя в том виновным и об'яснил, что вечером 14 мая, когда он стоял на улице пригородного селения Новые Кайдаки около своей квартиры, к нему подошел неизвестный молодой человек и обратился с просьбой разбросать утром 15 мая в доменном цехе завода пачку прокламаций, обещая уплатить за труд 2 рубля. Согласившись исполнить эту просьбу, Фролов получил от неизвестного пачку прокламаций, сложенных вчетверо, и 2 рубля. Хотя с неизвестным он разговаривал около 20 минут, но не спросил, кто он такой и как его зовут. Дома Фролов развязал пачку и пересчитал прокламации: их оказалось 100 штук. На следующий день рано утром, за час до прибытия смены рабочих, он явился в доменный цех завода и стал разбрасывать прокламации, но был замечен служащими на заводе, которые погнались за ним, чтобы задержать, но Фролов, убегая, упал со стены и при падении сломал себе ногу.

К дознаниям политического характера Фролов ранее сего не привлекался и содержался по сему делу под стражей с 15 мая по 23 августа 1902 года.

На основании изложенного крестьянин деревни Летошник, Рогнелинской волости, Рославльского уезда, Смоленской губернии, Клим Сампсонов Фролов, 21 года, обвиняется в том, что для того, чтобы распространить в г. Екатеринославе среди рабочих Брянского рельсопрокатного завода сто экземпляров воззваний, в коих не только дерзостно порицался установленный государственными законами самодержавный образ правления, но и выражалось явное возбуждение к неповиновению власти верховной и к восстанию против нее, он, заведомо, около 5 час. утра 15 мая 1902 года явился в доменный цех названного завода с пачкой об'ясненных воззваний, но успел разбросать там около под'емной машины таких воззваний только несколько штук, потому что был замечен и задержан.

Преступление это предусмотрено 1 и 2 п.п. 251 и 1 и 2 п.п. 252 ст. Улож. Наказ. А потому и на основании 2 ч. 1030 ст. Устава Уголовн. Судопроизв. обвиняемый Клим Фролов предается суду Харьковской Судебной Палаты с участием сословных представителей.

Составлен в г. Харькове, марта 14 дня 1903 года. Прокурор Харьковской Судебной Палаты Хрулев. Верно. Секретарь Четвериков.

Список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию: обвиняемый 1) крест. Клим Сампсонов Фролов; свидетели: 1) казак Аристарх Георгиев Серков; 2) крест. Семен Васильев Сулима; 3) пот. поч. гражд. Василий Андреев Яновский; 4) колл. секр. Леонид Густавович Осташевский; 5) запасн. рядовой Илья Павлов Ульянов; 6) Варфоломей Алексеев Зарубенко; 7) отст. унт.-офицер Емельян Яковлев Дреня; 8) городовой Вацлав Куприанов Богданович; 9) крест. Евсей Петров Зайцев; 10) крест. Спиридон Ананьев Володин; 11) Егор Федоров Воейков.

* * *

Повидимому, новая тактика правительства имеет целью терроризировать р я д о в ы х революционной армии, чтобы затруднить для партии дело организации рабочих масс и агитации среди них. Демонстранты и разбрасыватели прокламаций привлекаются на скамью подсудимых и караются «по всей строгости» драконовских законов, в то время как организаторы движения попрежнему подвергаются административной ссылке. Разумеется, новые расчеты правительства потерпят такое же фиаско, как и все предыдущие. «Героический» дух до такой степени овладел уже широкими кругами народа, что никакие жестокие приговоры не лишат нас, социал-демократию, всей той массы «пособников, покрывателей и попустителей», без которой мы не могли бы развивать широкую и планомерную агитацию.

П о з о р н ы й ф и н а л. Один из обвиняемых по делу о нижегородской демонстрации 1 мая 1902 г., столяр Михайлов (автор одной из опубликованных речей) получил в с. Ирбее, Енисейской губ., где находился в ссылке, полное помилование и возвращение всех отнятых приговором прав. Помилование является результатом покаянного прошения, поданного Михайловым еще в пересыльной тюрьме. Вполне понятно возмущение, вызванное поступком Михайлова среди его бывших товарищей. 23 же апреля на улице с. Ирбей Михайлов получил пощечину от сосланной по тому же делу Синевой в присутствии всех политических и местных крестьян. Как нам пишут, в селе сильное возбуждение: большинство крестьян разделяет негодование политических.

Ч е р н ы й к а б и н е т московского почтамта помещается во втором этаже. В с е поступающие в почтамт письма поднимаются под'емной машиной и поступают в распоряжение чиновников черного кабинета. Один из них отбирает письма с п о д о з р и т е л ь н ы м и ф а м и л и я м и, другие — письма с п о д о з р и т е л ь н ы м и п о ч е р к а м и, третьи раскладывают остальные письма небольшими кучками и выдергивают наудачу по несколько писем из каждой. В с е о т о б р а н н ы е т а к и м о б р а з о м п и с ь м а п р о с м а т р и в а ю т с я.

С а р а т о в, март. В последнее время в городе и губернии крупных полицейских погромов не было. Но зато изо дня в день возникают мелкие, несвязанные друг с другом

дела. Происходят отдельные аресты и обыски. Усиленные штаты жандармерии и полиции в городе и губернии «работают» во-всю.

Манифест 26 февраля в Саратове, как вероятно по всей России, оценен по достоинству и в широких слоях публики вызвал только смех и негодование. Попытка г. Плеве повторить иудушкину политику своего учителя Толстого, политику лжи, вероломства и одурачивания народных масс, в настоящее время не может удасться. История и в этом отношении не повторится. Последний манифест — это крик Иудушки, уже чувствующего, что сила и власть уходят от него. Даже администрацией манифест был встречен насмешками и недоумением. Рассказывают, что и. об. губернатора г. Азанчевский в день получения манифеста, на просьбу одного земского деятеля об'яснить ему некоторые места манифеста, стал уверять, что телеграф сильно исказил и перепутал текст. «Не могли же написать там такую бессмыслицу!» — утверждал г. Азанчевский. Среди крестьян манифест породил массу толков, и в иных селениях крестьяне ухитрились истолковать его в смысле черного передела.

Число аграрных преступлений в губернии сильно растет, практикуются постоянно поджоги, причем крестьяне стали прибегать к усовершенствованным приемам для поджогов: подкладывают к строениям медленно горящие фитили с порохом, начиняют им поленья и пр. В уездных тюрьмах Вольска, Аткарска и Сердобска сидят крестьяне, арестованные за аграрные преступления. Их решено судить, как простых поджигателей, окружным судом при закрытых дверях. В г. Петровске в скором времени предстоит процесс восьми крестьян, обвиняемых в поджогах и др. аграрных преступлениях, направленных против помещика Ермолова. Судебным следователям по таким делам предписано не приобщать к следствию прокламаций, местных нелегальных листков, которые обыкновенно распространяются при этом среди крестьян. Во многих селениях Сердобского, Петровского и Саратовского уездов крестьяне в настоящее время испытывают сильную нужду, цынга и тиф свирепствует в деревнях, но газетам говорить об этом, конечно, запрещено.

Крайне упрощенные приемы административного воздействия дошли до того, что здесь стала практиковаться административная высылка как средство для сведения личных счетов. Так, из г. Балашова высылают частного поверенного А. П. Феологова, человека уже пожилого и совсем непричастного к крамоле, только за то, что он не поладил с земскими начальниками. Те произвели надлежащее давление на и. об. губернатора Азанчевского, который распорядился выдворить Феологова из Саратовской губернии — за то будто бы, что у него было какое-то собрание. Можете себе представить, что будет у нас твориться, когда наконец по желанию манифеста окончательно водворится сильная власть и начнут процветать нравственные начала под сенью самодержавия.

Местный соц.-демократический комитет продолжает отзываться на общественные события прокламациями. Так, им в последнее время выпущены 1000 экземпл. прокламации по поводу 19 февраля, по поводу манифеста и «Шестой расстрел рабочих» о златоустовской бойне. Жаль, что Комитет в своих воззваниях по временам не пользуется более мелкими событиями и интересами местной жизни, которые удобны для агитации среди рабочих. Так, например, необходимо обратить внимание на печальное положение железнодорожных рабочих, которые, кстати сказать, представляют здесь единственно сплоченную массу в 4.000 человек. Нужно также использовать в целях агитации безобразное обращение жандармов с рабочими. Когда арестуют в Саратове рабочих, то обыкновенно их сажают не в тюрьму, а в полицейские части и там морят голодом, выдавая по 6 коп. кормовых, лишают свидания и обращаются очень грубо. Все эти меры употребляются жандармами с целью получить нужные им сведения от людей, обессиленных голодом и лишенных товарищеской поддержки. Иногда жандармы арестуют рабочих по самым незначительным делам и держат в частях по целому месяцу. Например, 19 февраля в народной аудитории арестовали раб. Першина, Затонского и еще четырех только за то, что они побили шпиона, слишком грубо об'яснявшегося с одним из распорядителей аудитории. Арестованных продержали более месяца в части и только недавно трех из них перевели в тюрьму. Крайне необходимо и желательно, чтобы Организационный Комитет наконец об'единил и организовал многочисленные группы социал-демократической партии и взял на себя общее руководство делами, издание и снабжение местных комитетов литературой и прокламациями по вопросам и событиям, имеющим значение для всей России: тогда местная пропаганда и агитационная работа пошли бы значительно успешнее.

Ростов н/Д. 10 мая 1903 г. (Частное). В течение марта, апреля и начала мая Ростов подвергся значительной чистке «неблагонадежных элементов». Уступая свое место вновь прибывшему жандарму Карпову (прибыл из Харькова), Артемьев вместе с ним и сыщиком Верещагиным (нач. охранки), получившим строгий наказ отыскать ненавистную типографию Д. К., произвели массовые аресты и обыски. Обыскивали буржуев, пролетариев, интеллигенцию, молодых, стариков и детишек. Арестов масса. Брали, как водится, по малейшему подозрению, нахватали и детишек. Ниже мы сообщаем часть фамилий арестованных, о которых возможно было получить сведения из тюрем. Арестованными наполнили тюрьмы: Ростовскую, Таганрогскую, Новочеркасскую, Каменскую, Нижне-Чирскую, Хоперскую и Усть-Медведицкую. На помощь комитету в его революционной деятельности правительство назначило в Ростов окружным начальником и начальником местного гарнизона, который пополнился батальоном Феодос. полка, — ген.-майора Абрамова. Его кипучая деятельность перед первым мая, военные приготовления, словно перед атакой города неприятелем, его речи за Темерником в рабочих кварталах, на берегу Дона к береговым рабочим, а также к гуляющей публике в день первого мая с демонстрированием нагаек — являются прекрасным дополнением к прокламациям комитета, кстати — появлявшимся в небывалом количестве. Абрамов — характерный представитель нашего самодержавия. Как и оно, он не смотрит дальше своего носа. Его цель в данный момент сохранить престиж власти, в данный момент поддержать «порядок». Каким способом и какими средствами это делается, над такими вопросами он не задумывается. Нагоняя страх на обывателя в данный момент, он вместе с тем вскрывает и показывает сущность той почвы, на которой зиждятся «коренные основы нашей государственной жизни». Раньше эти основы познавались из прокламаций и нелегальных книжек, теперь они познаются из жизни и доступны поэтому большей аудитории.

В течение марта и апреля арестованы: Чернышенко, Сабинин, Миндлин, Столкарц, Борохов, Гриненко, Давидов, Я. Браиловский, Васильев, А. Браиловский, Ботвинников, П. Швейцер (реалист), Ляхов, М. Швейцер, Клестов (литератор), Подлетов, Итин, Синицын, Заикин, Сенин, Федотовский, Абратов, Борисенко, Локерман (брат и сестра, оба выпущены), Скрынников (сотр. местн. газ.), Плесков (средне-техн.), Н. Альбов, Колосков, Станчинский, Лихтер, Полтава, Охнянский (вып.), Анна Логачева, Марковская, Сущенко (вып.), Мария Нагель, Иванов, Клещев (вып.), Кацман (гимназистка, выпущена), Величко, Кравченко, Позняков, Емельянов (вып.), Скоробогатов, Рейзман (вып.), Щербинин (бывш. семин.).

Кроме этих лиц, есть масса арестованных, фамилии которых нам не удалось установить, так как, куда их порассовали — аллах ведает.

В ожидании погрома. Из Прилук, Полтавской губ., пишут, что и здесь на 1 мая ожидался погром. В значительной мере панику усиливала полиция, на этот раз — своей излишней «распорядительностью». Не только заарестовали до 50 мужиков, виновных в произнесении угроз по адресу евреев, но еще и высекли их, когда они стали требовать своего освобождения. Возмутительная экзекуция еще более взволновала крестьянское население и озлобила его против евреев. В Прилуки послано полторы сотни казаков и полторы пехоты. Эти военные силы пришлось однако отправлять для подавления иного

рода беспорядков: в с. Сгуровке крестьяне пытались переделить земли помещика Кочубея. Местное еврейское население вооружается.

Напротив, в Херсоне, как пишут, крестьяне по поводу кишиневского погрома поговаривают о том, что бить надо не евреев, а помещиков. Местный Комитет издал прокламацию о погроме.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Со времени нашего последнего письма палачи Финляндии успели «широко» воспользоваться новыми «законами» жалкого клятвопреступника. Мы первыми готовы воздать должное удивление их энергии, направленной к порабощению культурной и доселе свободной страны.

Отставки и приказы подать в отставку за последние недели бесчисленны. Разгромив финляндские суды второй инстанции, гофгерихты, обрусители, разумеется, также вопреки финляндским законам, приступили теперь к опустошению низших судов. 5/18 мая приказано в течение трех дней подать в отставку двум членам гельсингфорсского ратгаузского суда. На-днях состоялось «высочайшее раз'яснение» сентябрьского указа об увольнении административным порядком финляндских чиновников. Этот «закон» распространился теперь и на училищное ведомство. Бобриков уволил почтенного ректора улеаборгского финского лицея М. Розендаля за его участие и председательство на ноябрьском с'езде представителей пассивного сопротивления в Гельсингфорсе (см. № 34). Словом, нет возможности больше перечислять всех увольняемых финляндских чиновников, оставшихся верными своей древней конституции. Должности вновь замещаются старо-фенноманами и русскими «уроженцами». Старо-фенноманская партия попрежнему «спасает» отечество. Трое новых губернаторов-финляндцев (старо-фенноманов) нисколько не уступают пяти русским помпадурам: они являются такими же ревностными исполнителями предначертаний Бобрикова и такими же доносчиками. Близорукие старо-фенноманы не подозревают того, что царские опричники, покончив с финляндскими «крамольниками», выплатят черной неблагодарностью своим нынешним союзникам. Часть старо-фенноманов вскоре после первых высылок дошла до такой подости, что начала призывать своих сограждан к выдаче тех «агитаторов», которые действуют оппозиционно из своих личных видов. Главный орган консервативной партии «Uusi Suometar» не постыдился напечатать подобной статьи и повторять ругань «Финляндской Газеты». Эта партия, заигрывающая с Плеве, имеет приверженцев и среди финляндских студентов, главным образом в лице сынков сенаторов и др. карьеристов. Десять подобных молодцов обратились в марте к своим товарищам и др. молодым лицам призывного возраста с «тайным циркуляром», в котором они убеждают обычными старо-фенноманскими софизмами подчиниться новому «закону», признавая в то же время его «незаконность». Этот циркуляр является до некоторой степени подложным, так как пять его авторов не подлежат воинской повинности, а в нем говорится, что все они подчиняются «закону». Этот циркуляр составлен по вдохновению одного сенатора Сальмана и нынешнего вице-канцлера финляндского университета проф. Даниельсона, имевшего счастье часто лицезреть обер палача Плеве. Это реакционное воззвание вызвало протесты со стороны большей части студентов. Преступной агитацией старо-фенноманов и всевозможными беззакониями царского правительства об'ясняются менее благоприятные результаты пассивного сопротивления нынешним призывам воинской повинности, хотя и эту весну во многие присутствия не является ни одного новобранца, или является лишь незначительный процент. Ликования «Ф. Г.» были слишком преждевременны. В прошлом году призывы совершались по прежним порядкам, тогда как теперь правительство не останавливается ни перед какими мерами, чтобы терроризировать юношей. В некоторых местах их ловили хитростью, в других насильно приводили городовые и солдаты и т. п. Кроме того, арестовано несколько так наз. «агитаторов», осмелившихся призывать молодежь к подчинению конституции, а не преступному «закону» г. Куропаткина. Точные цифры результатов деятельности призывных присутствий мы приведем впоследствии, когда будут получены сведения относительно всех или большей части общин и когда «официальные» статистические данные будут проверены надежными исследователями.

Бобриков не замедлил ополчиться против «вредных учений», на что он получил кулачное «право» по новой инструкции. Он приказал назначить комиссию для «исправления» учебников географии и истории Финляндии, по которым учились десятки поколений финляндских детей. В этих учебниках, представьте себе, даются ложные сведения о положении Финляндии в Российской державе.

Обыски, аресты и высылки в Финляндии теперь в полном разгаре. Кроме семи высланных в апреле (по нов. ст.), о которых было сообщено «официально», в мае уже высланы выдающийся редактор главного органа младо-фенноманской партии Эркко из Гельсингфорса, адвокат Прокопе из Таммерфорса, двое братьев — редактор и делопроизводитель торговой фирмы — Блуфельт из Куопио и управляющий банковой конторой Хикио из Нейшлота. Кроме того, находившийся в Швеции знаменитый финляндский законовед, бывший сенатор Л. Михелин получил через русского посла в Стокгольме запрещение возвратиться на родину. О всех этих лицах «Фин. Газета» пока благоразумно молчит. Большая часть высланных из Финляндии принадлежит к числу самых видных общественных деятелей и сеймовых депутатов. Сенатор Михелин, барон фон-Борн, Кастрен, Эркко и др. являлись столпами во многих сеймах. Комичны поэтому попытки старо-фенноманов отстоять сейм, на котором больше не могут присутствовать наиболее видные депутаты. Понятно, эти старофенноманы надеются на торжество своей партии на будущих сеймах! Барон фон-Борн, один из наиболее крупных финлядских землевладельцев, подал в сенат написанное на имя царя заявление, в котором он, указывая на незаконность принятых против него мер — обыска и высылки из Финляндии, просит привлечения себя к законному финляндскому суду. Подобные заявления он подал прокурору сената и нюландскому губернатору, известному опричнику Кайгородову. После от'езда г. Борна в Швецию в его имении был произведен аукцион для получения с него штрафа в 5500 мар., к которому было незаконно приговорено общинное

управление Перно, где он был председателем, за отказ подчиниться новому «закону» о воинской повинности. За первую корову покупатель заплатил 5.600 марок, и аукцион был прекращен. Ленсман (вроде нашего станового), сделавший опись имущества г. Борна, получил в награду 1.200 марок.

Сенатор Мекелин вышел в отставку еще в 1890 году, когда Александр III начал в Финляндии обрусительную политику. Он приобрел европейскую известность своими трудами по государственному праву Финляндии, профессором коего был много лет в Гельсингфорсском университете. Александр II пожаловал ему дворянство, а его достойный внук теперь высылает его из Финляндии. В зависимости от самодержавных деспотов не прочны, как видит читатель, ни конституция, ни царские обеты.

На-днях в датских, норвежских и шведских газетах напечатано прекрасное стихотворение маститого норвежского писателя Бьернсона, посвященное Финляндии («при получении последней почты из Финляндии»). В нем Николай II называется «палачом» и датский народ призывается не пускать этого палача впредь на датский берег. К сожалению, мы не можем в стихах перевести этого превосходного норвежского стихотворения.

P. S. Сейчас мы узнали о приказании управляющему частной банковой конторой в г. Ловиче Фабрициусу выехать из Финляндии.

8/21 мая 1902 года. *[В. М. Смирнов]*

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

С.-Петербург. На заводе Паля происходит в настоящее время весьма характерная борьба. Администрация завода совершенно уничтожила ночные работы, но в то же самое время увеличила на два часа рабочее время, т. е. заставляла работать до 9 ч. вечера. Рабочие решили начать борьбу и вот уже в течение трех дней все, как один человек, бросают работу в 7 ч. веч. Весьма возможно, что это послужит поводом к стачке.

В Кронштадте происходят крупные аресты среди матросов. Офицер Герасимов, сильно скомпрометированный в этом деле, узнав о предстоящем аресте, покончил жизнь самоубийством. Товарищи его устроили торжественные похороны. Арестованные матросы находятся в предварилке.

С.-Петербург. 3 мая работницы фабрики Максвеля в количестве 150 чел. заявили требование о повышении платы с куска (получали 60 коп. с куска) и все двинулись на квартиру директора. Директор сильно перетрусил, отказался выйти, передав через прислугу, что пусть явятся к нему после человек 15, и он с ними переговорит. Работницы продолжали требовать, чтобы к ним явился директор. Наконец последний отважился выйти к работницам, и в результате, под угрозой стачки, директор повысил плату с куска до 80 коп. — В средине мая началась стачка на фабрике Воронина. 18 мая к ней примкнула фабрика Лебедева (1000 рабочих).

Бахмут, Екатеринославской губ. Среди здешнего ремесленного пролетариата в последнее время заметно стремление к борьбе. После стачки в одной из портняжных мастерских были выпущены две прокламации: одна — об общем положении пролетариата, другая — о манифесте 26 февраля. Недавно появилась третья прокламация под названием: «Налоги. С кого они берутся и на что тратятся». Последняя прокламация возбудила оживленные толки как среди пролетариата, так и в буржуазной среде. Местная буржуазия в большом переполохе. Забеспокоилась и полиция. Она произвела обыски у рабочих, но безуспешно.

Вышний Волочек. (Прохоровская мануф.). 1 мая началась стачка. Положение там, повидимому, очень серьезное, так как туда поскакали губернатор и нач. жанд. упр. В самой Твери началась на одном заводе стачка, но туда нагнали массу войска, и она прекратилась. На фабрике Морозова тоже стояли с 1 мая войска. Согласно другому известию, стачка охватила несколько фабрик. Возбуждение было очень сильное: толпы рабочих ходили по улицам. Оратор, присланный Тверск. Ком., свободно говорил речи. Теперь арестовано 20 рабочих.

Чернигов. 2 марта здесь забастовало 130 ремесленников-портных. Портняжное производство здесь очень раздроблено: на мастерскую приходится 3—5—10 рабочих, большинство мастерских имеют не более 4—5 рабочих. В ремесле господствует «посредническая» форма промышленности: из 130 стачечников 80 являются «посредниками», т. е. берут работу у хозяев за поштучную плату, причем часть этой работы выполняют сами, а другую сдают от себя другим рабочим. Таким образом посредники являются наполовину хозяевами, наполовину рабочими, и согласить их интересы с интересами наемных рабочих не так-то легко. Более крупные магазины часть работы производят наемными рабочими, получающими помесячную плату. Таких «месячников» у нас человек 50. Преобладают, следовательно, у нас «посредники» — самый неблагоприятный для организации элемент. Тем не менее стачка удалась как нельзя лучше. Руководили стачкой сами же рабочие, выработавшие такой план: бастовать должны были только посредники с требованием повышения заработной платы. Когда они выиграют, «месячники» должны были требовать сокращения рабочего дня. На деле месячники выставляли свои требования (12-час. раб. день и два часа на обед и завтрак) еще до конца стачки посредников. Стачечники проявили прекрасную дисциплину, чем не мало удивили своих хозяев. Вообще стачка очень интересовала черниговских обывателей. Стачка кончилась победой рабочих через неделю. Один хозяин-доносчик был избит рабочими. Полиция вмешалась в стачку, арестовала 15 рабочих и продержала их несколько дней; только против одного из них возбуждено политическое дело, а трое высланы в уездные города.

27 марта у нас, за подписью «Черниговской группы соц.-дем. рабочих», распространены две прокламации: «Ко всем рабочим и работницам г. Чернигова» и «Ко всем малярам».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Из Берна за март и апрель 353 фр., из них за литературу 150 фр., из Б. К. 41 фр., пожертв. К. У. Л—уба и П. 28 фр., от О. Ю. 100 р., из К-о через Л-ва для О. К. 50 р. от Смоленца в пользу арестованных 5 р., из Лондона 2 ф. 10 шилл., из Парижа в апр. 250 фр. и от приятеля 200 фр., от Мани 25 фр., от Юлия: за литер. 30.60 фр. и для «И.» 55 фр., из Лозанны за май 110 фр. От Томского Ком. на «Искру» 10 р. Из Цюриха: с реферата 75 фр., за литер. 65 фр., член. взнос 10 фр. Из Женевы за апрель и май 176.70 фр. Из Берлина: собрано в Гейдельберге 60 мар., по подп. листу 64,80 фр. Из Сибири по подп. листу № 41 на изд. попул. соц.-дем. литературы: от Nemo 7 руб., от X—X 10 + 15 руб. От товарищей на прогулке 10,34 фр. От В. на «Искру» 30 фр., на издание записок Дейча 50 фр. От «Ижицы»: на «Искру» 5 фр., на помятник Бакунину 5 фр., для Эмигр. Кас. 5 фр., от Цюрих. Сиб. Кассы для А-а 42 фр., от Женев. Сиб. Кассы 40 фр. Из Парижа за май 950 фр., от кружка соц.-дем. на «И» 10 р.

Адрес № 22 отменяется.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Озмидов М. П. (1837—1897) — издатель черносотенной газеты «Новороссийский Телеграф», занимавшейся усердной травлей инородцев.

Прим. 2. Игнатьев Н. П. (1832—1908), граф,—после убийства Александра II (1881 г.) сменил Лорис-Меликова (см. прим. 4-е) на посту министра внутренних дел. Не имея никакой определенной программы внутренней политики, Игнатьев ограничивался эффектными либеральными фразами в духе своего предшественника. В 1882 году, когда правительство открыто стало на путь реакции, был заменен гр. Толстым.

Прим. 3. Мезенцев Н. В. (1827 — 1878) — шеф жандармов, один из самых жестоких слуг царизма. 4 авг. 1878 г. убит известным революционером Степняком-Кравчинским.

Прим. 4. Лорис-Меликов М. Т. (1825 — 1888) — председатель «Верховной распорядительной комиссии по борьбе с революционным движением» и министр внутренних дел в конце 1880 г. и в начале 1881 г. Отражая растерянность правительства перед революционным террором, Л.-М. заигрывал с либеральными элементами общества и, пытаясь их склонить на сторону правительства, выступал с неопределенными обещаниями конституционных реформ. В период развернувшейся после 1 марта реакции заигрывания Л.-М. с либералами оказались несвоевременными, и он вынужден был уйти в отставку. Министерство Л.-М. получило в печати ироническое название «диктатуры сердца».

Прим. 5. Тотлебен Э. И., граф. (1818 — 1884) — военный инженер, прославился в Севастопольскую кампанию и при осаде Плевны. В 1879 г. был назначен одесским ген.-губ. и вел жестокую борьбу с революционными народниками.

Прим. 6. Неаполитанский «король-бомба» — неаполитанский король Фердинанд II, прозванный так за бомбардировку восставшей против него в 1848 г. Мессины.

Прим. 7. «Русское Собрание» - первая открытая реакционная политическая организация, зародившаяся в Петербурге осенью 1900 г. Лозунгами «Р. С.» были — «самодержавие, православие и народность».

Прим. 8. О сионистах — см. прим. 17-е к № 38 «Искры».

Прим. 9. О «Свободе» см. прим. 4-е к № 26 «Искры».

Прим. 10. Брошюра «Польская Социалистическая Партия об еврейском рабочем движении» вышла в Лондоне в 1903 г. Издание Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России. Перевод с еврейского, стр. 19.

Прим. 11. О П. П. С. — см. пр. 9-е в № 39 «Искры».

Прим. 12. «Arbeiter Stimme» («Голос Рабочего»)—центральный орган Бунда (1897—1905), выходил подпольно в России. Всего вышло 40 №№.

Прим. 13. Рязанов (Гольдендах) Д. Б. (р. в 1870 г.) — коммунист, один из старейших социал-демократов, организатор первых рабочих марксистских кружков в Одессе. После пятилетнего заключения в «Крестах» эмигрировал за границу. В начале 900-х гг. один из организаторов заграничной литературной соц.-дем. группы «Борьба». Выступал с резкой критикой проекта программы партии, составленного редакцией «Искры». Один из лучших знатоков Маркса и Энгельса, Рязанов в настоящее время является директором организованного им Института К. Маркса и Фр. Энгельса при ЦИК СССР.

Прим. 14. Мольер Жан-Батист (1622 — 1673) — французский драматург и автор ряда классических комедий. «Precieuses ridicules» («Жеманницы»,) — название известной комедии М., в которой высмеивается фальшивая ученость.

Прим. 15. «Революционная Россия»—центральный орган партии соц.-рев. На его страницах были впервые формулированы тактические основы деятельности эсеров. Богатый фактическими корреспонденциями из России, журнал имел широкое распространение. «Искра» в лице Ленина и Плеханова вела беспощадную идейную борьбу с «Р. Р.».

Прим. 16. Бернштейн Эд. (р. в 1850 г.) — старый деятель германской соц.-демократии, редактор нелегального центрального органа партии в эпоху исключительных законов против социалистов. В конце 90-х годов выступил с книжкой «Предпосылки социализма», в которой подверг теоретической ревизии (пересмотру) философские, экономические и политические основы революционного марксизма.

Б. утверждал, что историческое развитие не увеличивает, а уменьшает пропасть между пролетариатом и буржуазией и социализм будет достигнут не революцией, а постепенной эволюцией, мирным врастанием в капитализм. Выступление Б. послужило исходным пунктом широкой и резкой полемики в среде международной соц.-демократии и привело к оформлению ортодоксального и ревизионистского крыльев в партиях II Интернационала.

Прим. 17. О демонстрации 2 марта — см. № 38 «Искры».

Прим. 18. Речь идет об убийстве с.-р. Карповичем в 1901 г. министра народного просвещения Боголепова. Боголепов был убит за жестокие репрессии к участникам студенческого движения.

Прим. 19. «Мартовские события 1901 г.» — демонстрации студентов и рабочих в Харькове, Белостоке и Петербурге, происшедшие 4 марта (19/II). Наибольшей по количеству участников и своему политическому значению была демонстрация в Петербурге на Казанской площади. Демонстранты были жестоко избиты. Около 1500 человек было арестовано.

Прим. 20. «Neue Zeit» — «Новое Время» (1883—1922) — центральный теоретический орган германской соц.-демократии. Редактором до начала мировой войны был К. Каутский. В журнале принимали участие; Ф. Энгельс, А. Бебель, Лафарг, Р. Люксембург, Фр. Меринг, Г. В. Плеханов и др. виднейшие участники международного рабочего движения.

Прим. 21. «Przegląd Robotniczy» — напечатано неправильно, нужно: «Przegląd Socyaldemokratyczny» — центральный орган С.-Д. П. и Л., выходил в Швейцарии.